

Андрей Мансуров

Ошибка
доктора
Свиндебарна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Арсланович Мансуров

Ошибка доктора Свиндебарна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70202983

SelfPub; 2023

Аннотация

В невероятной катастрофе, провалившись, словно в пучины Ада, гибнут три крупных Европейских города. Спецслужбы Европейских стран сбились с ног, пытаясь найти странных террористов с чудовищными возможностями, потому что объяснения о "естественных геологических причинах" не устраивают разумных людей и Правительства. И под угрозой любой город! Однако результат нулевой. Наконец на расследование ставят "нетривиально" мыслящего комиссара. И он находит наконец следы учёного-террориста. И ведут они... В Россию! Но в чём же причина, побудившая талантливейшего человека встать на сторону Зла?!..

Андрей Мансуров

Ошибка доктора

Свиндебарна

Все имена и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

– Начинаем. Время выхода на исходные позиции – двадцать один пятьдесят. – спецагент поправил бронежилет на рубашке, (пиджаки сотрудники АНБ всё же сняли. Комиссар констатировал, что фигуры у всех – не хуже, чем у него: плотные, накачанные) и вторично обратился к комиссару, – Может всё же воспользуетесь? – постучав по кевлару и нагрудной стальной пластине.

– Благодарю. Что-то мне подсказывает, что жилеты не понадобятся... Может быть, всё же пошлём вперёд только несколько бойцов, а остальные... – комиссар чувствовал, что в доме их поджидает опасность, против которой бессильны кевлар и сталь...

– Нет. Практика проведения подобных операций однозначно доказывает: чем больше человек участвует в штурме, тем скорее происходит захват, и тем меньше ненужных потерь. – апломб, с которым это было сказано, не изменил сосредоточенности комиссара, и даже не обидел его. Он – в чужой стране. С чужими порядками и традициями. Хочет-

ся АНБ выпендриться перед ним – пусть. Выпендрится. Он промолчал, кивнув.

– Прошу вас, комиссар. Если, вы, конечно, всё ещё хотите принять участие и в непосредственно полевой операции... – комиссар не заставил себя приглашать дважды, пусть и слегка ироничным тоном. Прошёл и уселся в очередной «Хамви», присоединившись к команде из мрачного сержанта и ещё трёх морпехов в чёрных маскахалатах, и с разрисованными ваксой а-ля Шварценеггер, лицами. Сержант молча предложил коробочку с вонючей чёрной массой и ему.

Комиссар отказался.

И подумал, что он в своём лучшем чёрном костюме смотрится в таком окружении нелепо – словно порнозвезда в миниюбке и сетчатых колготках на съезде чопорных пуританок. Или – монашек.

До места добрались минут за двадцать – по хорошему шоссе. После чего по ухабам и бездорожью низких гряд холмов пробирались ещё минут пять. Наушник в ухе сержанта ожил, и что-то пролаял. Тот отреагировал:

– Выдвигаемся сразу, и оцепляем дом. Направление – северо-северо-восток!

Спецназовцы и сержант нацепили на глаза огромные уродливые тубусы приборов ночного видения. Комиссару достался инфрабинокль. Неудобно, но видно неплохо.

Оружие бойцов не гремело – в этом комиссар убедился, пока они бежали добрый километр по бездорожью, ориен-

тируясь по компасу сержанта, и смутно видневшимся в приборы тёмным фигурам, бегущим параллельно по радиусам, сходявшимся у темнеющей громады двухэтажного дома посреди луга. Комиссар порадовался выучке морпехов – не шуршала высокая сухая трава, достигавшая колена, и даже крохотного лучика ниоткуда не отблёскивало... Впрочем, не шуметь удавалось легко: шумело и тарахтело там, возле дома – комиссар мог бы поспорить, что это стучит движок автономного генератора в сарайчике у чего-то вроде конюшни. Или коровника. Это напрягало – поскольку ни света в окнах, ни следов автомашины в гараже не наблюдалось. Метров за двести от дома комиссар начал замедлять бег. Затем и вовсе остановился. Морпехи не обратили на это внимания – лишь сержант коротко кинул взгляд через плечо один раз... Жаль ребят.

Живыми после этого комиссар их уже не увидел.

Потому что когда до дома оставалось не больше пятидесяти метров, вдруг раздался вскрик, затем ещё один, и местоположения всех солдат обозначилось слепящим сиянием – словно каждый боец вдруг стал нитью накаливания прожектора, на пару секунд вспыхнувшего сине-белым ореолом, и тут же перегоревшего!..

Донёсся стук – на землю попадали обгоревшие скрюченные тела. Запахло горелой плотью – самый мерзкий запах из всех, которые знал комиссар, но с которым иногда сталкивался, расследуя изуверские и необычные случаи... Но при-

шлось сдерживать позывы к рвоте – дело ещё не кончено.

Он рысцой вернулся к бронемашине, и, покопавшись, открыл багажное отделение. Ага – есть! «Классика» жанра.

Базука.

«... наверное, это всё же изуверство. То, что я собираюсь сделать. И, что самое главное – я как никто осознаю его бессмысленность. Ведь уже ничего не вернёшь и не исправишь: те, кто жили там, в том Доме, в том времени, что называют детством, кто были рядом со мной, те, не знаю даже как назвать – Сотоварищи по несчастью... Избранные Агнцы... Жертвы неогестаповских экспериментов... Жертвы палачей из новых нациков. Словом, со-мученики – уже изуродованы, нравственно искалечены на всю жизнь. Их Сознание изменено. Но – не так, как в Теории НЛП*, нет – не к улучшению...

* Нейро-лингвистическое программирование.

А очень даже – наоборпот!

Кто из нас, оставшихся в живых, вынесших, не сломившись, все эти круги Ада, теперь сможет вести себя, жить, мыслить, как *обычный* человек?..

Доверять другим людям, так, что называется – безоглядно, без тяжкого, но никогда не проходящего подспудного ощущения: «нет, я все-таки подстрахуюсь, «дорогая», на случай, если ты опять забудешь, не сможешь, или не успеешь, окажешься не в том месте... Словом, подведешь меня... Как, впрочем, и всегда!..»

Любить?..(Но только не это фальшивое «Зай, я так люблю тебя!», сказанное с мимолетным чмоком в щечку, словно ненароком, перед витриной ювелирного магазина в годовщину знакомства... Или – что уж совсем профанация: эсэм-эска, когда кончаются деньги: «Милый, я так тебя обожаю. Положи, пожалуйста, денег на счет – а то приходится пис *ать* в долг!»)

Дружить... («Ну что, брателло, пошли – отметим праздник? Я угощаю!..») Да и просто – быть *человеком*.

Я тщательно отслеживаю судьбу всех своих... Всё же лучше называть их так, как мы и называли тогда, в Доме. Товарищами по несчастью. Братьями. Сестрами. Мы все – одиночки.

Озлобленные, недоверчивые, боящиеся сорвать на окружающих – близких ли, чужих! – раздражение и горечь, выстилающих толстым слоем, словно фекальные массы – непрочищенный кишечник – самые недра подсознания! Да и сознания.

Или пуще смерти страшась показать этим окружающим свою обнаженную мятушуюся душу. И фактическую беззащитность перед Жизнью. Тщетно пытающиеся найти смысл этой самой жизни в работе, или так называемых «хобби»...

Только у одного возникло желание... Тяга – выместить на невинных и слабых ту жестокость, что проявляли... Систематически проявляли к нам – таким же в те далекие годы,

слабым и беззащитным.

С ним пришлось разобраться. Потому что я его понимал. Но его желание выместить на родных и близких то, что накопело – не принимал!

Упокой господи его озлобленную и нераскаившуюся душу. Лишь у двоих «подвергавшихся обработке» теперь есть семьи, и нормальные дети. Правда, сомневаюсь, что удастся воспитать их так, как *положено*, как принято. Те, кто испытал *такое*, как мы, никогда ребёнка и пальцем не...

Ну, то есть – ударятся в противоположную крайность: будут баловать, улыбаться на проказы. Покупать все, что дитя ни попросит. За провинности – не наказывать. И даже вряд ли будут хотя бы ругать.

А зря. Я так понимаю теперь, что детей иногда всё же нужно наказывать. Но – лишь *за дело!* Это как в Библии: «тот, кто жалеет розгу, портит дитя своё!..» Но всё же... Когда я вспоминаю...

Нет – НЕ ТАК, БУДЬ ОНО ВСЁ ПРОКЛЯТО!!!

Ничего мне вспоминать НЕ НАДО!!!

Всё это продолжает стоять в глазах, и ощущаться всем телом, всеми кишками, отдаваясь в позвоночнике электрическими разрядами: что ночью... когда просыпаюсь, как ошпаненный цыплёнок, весь в гусиной коже, липком поту, и с диким криком... (Раньше иногда прибегал Роджер, но потом я запретил... Я рассматриваю это как часть... Искупления, наверное. Мои кошмары – это только *моё* достояние!

И я никому не позволю мешать мне смотреть их. И уж тем более – меня ЖАЛЕТЬ!!!)

Что днём – иногда картины столь реальны, что приходится моргать, трясти головой, или пить чёртов кофе. Или что там окажется под рукой. А иногда – что греха таить! – в минуты осмысления, когда нападает «сплин», или депрессия, я и сознательно, словно хирург, извлекаю из ножен памяти, заглушенной самоубеждением, клинок острейшей боли – то, что режет душу, словно бритвой по главному яблоку: омерзительно, дико! Заставляет сердце трепетать, легкие – гореть, а тело – покрываться ледяным потом...

Даже не знаю с чем сравнить это ощущение – будто иголкой ведут по стеклу!

Я-то про себя точно знаю – да, психика... Нарушена. Мягко говоря. Но ни к какому психоаналитику я не пойду! И пусть я осознаю, что не совсем адекватен...

Это – *мое* прошлое, *мои* воспоминания! И где-то в глубине души я, наверное, даже горжусь и молча рисуюсь ими перед другими – вот, завидуйте, пресно-приторные, ОБЫЧНЫЕ: у вас *таких* воспоминаний точно нет! И никогда не будет!

Я – псих? Мазохист? Шизофреник? Маньяк?..

Очень даже возможно.

Да что там возможно – точно!

Плюс полный набор всех мыслимых и немыслимых Комплексов – от эксгибиционизма до Мании Величия! (Да, я –

Велик, как никто! Я – техногенный Гений! (Черт, звучит тавтологично... Зато – по сути верно!) И то, что я сделаю – часть жестокой Игры, призванная подтвердить обоснованность хотя бы этой части моих Комплексов!)

Но в том, что я... Неадекватен – нет моей вины: меня таким *сделали*. Сознательно уродуя юную и так легко изменяемую, вылепливаемую как из пластилина, детскую психику. А повернуть стрелки назад я, наверное, смог бы...

Но – не хочу! Да, я *не желаю* быть нормальным!

Правильно, уже десять раз можно было бы излечиться – гипноз, сеансы у психоаналитиков, водка, наконец – как сделали или делают все те, кто... Словом, остальные братья и сёстры.

Что пытаются «вписаться» в Социум.

А вот я – не пытаюсь.

Или мне доставляет извращенную радость сознание того, какой я умный. И изобретательный. И, скорее всего – я *такой* именно благодаря «обработке»...

Нет, я не буду лечиться, и посещать психоаналитиков и терапевтов.

Потому что уверен – все мои «лечившиеся» сотоварищи продолжают видеть кошмары. И просыпаться в панике, в насквозь пропотевшем белье, со сведёнными судорогой мышцами и перекошенным беззвучным криком лицом. Потому что какой психоаналитик, пусть даже с помощью гипнотерапии, поможет полностью забыть *такое*?!

Темнота карцера, связанное в козла* онемевшее тело, и чёртова соль под голым боком, разбитые в кровь губы и насыпанный в глаза перец – разве это можно забыть?!

* человеку связывают руки и ноги, соединяя их за спиной.

А пинки в живот и пах окованным носком сапога, когда с замиранием сердца гадаешь: куда придется следующий удар? А мешок на голове, и верёвка на шее, которая то стягивает, то вновь пропускает сквозь горящее горло крохотную порцию воздуха?.. А панические мысли – вдруг всё, такое пока короткое земное существование, вот так и закончится: если внезапно в голове мучителей сверкнет, разгораясь прихотливым отсветом адского пламени, некое воспоминание, или нахлынет припадок беспричинной ярости на весь мир? И кровожадный Зверь их подлинной, глубинной, Сущности, выберется наружу?!

Или они попросту отвлекутся, забудут на секунду ослабить давление удавки, поглощенные беседой, забудут что у них в руках – чья-то Жизнь, и не позволят глотку воздуха ворваться в горящие, трепещущие и раздражаемые удушьем, легкие... А бочка – бочка обитая изнутри заточенными гвоздями! – так, что не прислонишься, не распрямишься, и даже не сдвинешься – в томительные часы, (кажется – что дни ожидания!) пока они не откроют крышку...

А не сдвинешься – чтобы не пораниться, не истечь кровью, и, потеряв сознание от слабости, не рухнуть на только и ожидающие этого отточенные острия, которые уже не поз-

волят вырваться из цепких лап ее Величества мучительной Смерти!

И всё это – в крошечной тьме, и абсолютной тишине, когда знаешь: кричи – не кричи, никто не услышит, а палачи придут, только когда решат прийти. Сами. А не выживешь – так и ладно. Там же, за садом, где уже восемь безымянных могил – да никаких не могил, а тщательно закопанных и замаскированных ям с телами! – они ночью выроют новую... И закопают в случае чего. Сообщив, конечно, в полицию, что ты пустился в бег!.. Только Вера, фанатичная и слепая Вера в то, что вытерплю, и отомщу, когда вырасту, и поддерживала тогда, в так называемом детстве...»

Когда хэrr Магнус Ханссон входил в свой банк, дождь только начинался. Шофер, открывший ему дверцу и подержавший зонтик, пока он дошел до парадного, откозырял на его кивок, и величаво и плавно, словно Линкор, двинул монументальную машину – в гараж. Задержавшийся на крыльце Ханссон убедился, что зрители – некоторые прохожие даже замедлили шаг! – «оценили» его приезд по достоинству.

Это всегда так приятно – знать, видеть, что ты произвел впечатление!

Первые крупные, «породистые», капли серыми точками начали возникать на асфальте улицы – словно кто-то бесшумно, но неумолимо, вгоняет в мостовую гвозди...

Хитро усмехнувшись в аккуратно подстриженные усы, хэrr Ханссон погладил отполированное его цепкими пальцами корневище экзотической секвойи, которую ему преподнесли на пятидесятилетие друзья, и которое уже двадцать лет верно служило в качестве рукоятки любимого зонтика: открывать монументальное полотнище не пришлось. Так что не придётся и сушить. Обратнo его точно так же быстро и удобно доставит личный «Мерседес-Майбах», а уж дома дворецкий пошлёт кого-нибудь подержать над ним один из домашних зонтиков, пока он пройдёт до парадного входа особняка. Председатель правления четвёртого по объёму оборота Банка страны имеет право на маленькие личные удобства.

– Доброе утро, хэrr Ханссон! – на приветствие услужливо открывшего двери и склонившегося в почтительном поклоне отутюженного и набриллиантиненного швейцара он привычно чуть заметно кивнул: «М-гм». Нужно соблюдать и видимость близости к своим людям... Но и в то же время дать им понять: он – «хозяин». Никакого панибратства!

Уверенной походкой он прошёл по коридору к своему кабинету позади главного зала. Десяток служащих за перегородками из дерева и стекла уже вовсю трудились, перед каждым окошечком нетерпеливо постукивали каблучками, или хмуро сжимали в руках свернутые газеты, в ожидании, пока клерк выполнит нужные операции, ранние клиенты. Похоже, мрачное небо и обещанная гроза на популярность услуг

его Банка не повлияла. Количество людей, расположившихся на диванах и креслах, позволяло надеяться, что сегодня оборот будет даже больше обычного.

А угадали они, похоже, с этой процентной ставкой.

Отлично. Колёса должны крутиться!

В своём кабинете, отделанном до середины высоты стен панелями из резного дуба, доставленными прямо из Англии, из разобранного старинного особняка викторианской Эпохи, Хэrr Ханссон позволил себе убрать сосредоточенно-деловитое выражение с морщинистого холёного лица. В настоящее, хоть и тускловатое, Венецианское зеркало посмотрелся уже торжествующий мальчишка.

Сегодня! Сегодня он, наконец, пожнёт лавры! Пятьдесят лет он шёл к этому!.. Проклятый старик!..

Как это он тогда сказал Магнусу? Обидные слова до сих пор гигантскими, словно слово «Голливуд» на зеленых холмах Калифорнии, огненными буквами, выложены на бетонной стене его ничего не упускающей памяти:

– Вот когда будешь Швейцарским банкиром, тогда и будешь поглядывать на мою дочь!

Да, он поглядывал... Да что там – пялился, как восторженно пялится, словно на недостижимый идеал совершенства, юный художник – на «Мадонну» Рафаэля! Как голодный – на дымящуюся индюшку, только что из гриля! Как...

Ну, словом, как может смотреть сопливый юнец на недоступную, и от этого еще более восхитительно вожаделенную,

воплощенную Красоту с большой буквы!..

А вот сама эта «дочь» тогда, если честно, на него, зелёного и восторженного (и, разумеется, всего лишь одного из десятков!) почитателя, даже не глянула: для неё он был просто очередным мальчиком из обслуги: из вечно меняющегося штата садовников и слуг их фамильного загородного имения.

В череде обидных унижений и многочисленных крушений надежд, эта фраза старого хрыча явилась последней каплей. Шестнадцатилетний Ханссон в ту же бессонную ночь, сжимая во тьме кулаки, и шмыгая покрасневшим натёртым носом, всё для себя решил. Воспаленные горящие глаза не удалось даже на минуту сомкнуть – так распухли веки! А уж Душа...

Да он готов идти хоть по трупам – только чтоб добиться Положения в Обществе!.. Причём такого положения, чтобы уже *он* мог свысока глядеть на своих старых обидчиков – всех этих хозяев бакалейных лавчонок, начальников департаментов, владельцев контор, и имений, где он имел несчастье пробовать свои силы в качестве рассыльного, клерка, продавца, и вот теперь – садовника...

Учёба в Базеле представлялась теперь попросту одной большой Катастрофой. Вечно урчащий от голода кишечник. (Тогда он игнорировал его позывы – а пять лет назад пришлось сесть на строгую диету. Ничто не проходит даром!) Слипающиеся на лекциях глаза. Сотни разгруженных ноча-

ми вагонов – с зерном, мукой, кофе, вонючими удобрениями... (А *это* теперь сказывается на спине – приходится носить пояс из собачьей шерсти! И все равно – малейший дождичек – и!.. Ох, уж этот радикулит...) Кипы тетрадок – с лекциями и выписками из справочников, кодексов и учебников.

Зубрежка, зубрежка, зубрежка...

Да что вспоминать теперь об этом аде – остаётся порадоваться, да и удивиться за себя. Не сломался. Выдержал. Терпел. Терпел. ТЕРПЕЛ!!! Нашёл в себе силы, и засунул в ...пу свою наивно-возвышенную совесть. Блестяще сдал Выпускные. За время учёбы успел перезнакомиться с полезными сверстниками: Детьми... Кого надо. Всячески проявлял свою смётку и деловитость. Узнал – кому нужно почти неприкрытой лестью откровенно «почесывать за ушком», а кому и... Симпатичного пьяненького мальчика на ночь обеспечить. Ох уж эти маленькие слабости юности... Потом переходят в большие. Старости. И позволяют знающему о них легко...

Вот именно.

Устроился тогда, в самом начале, младшим кассиром в Первый Национальный.

Нашёл способы и ходы. Перезнакомился и узнал тонкости обращения с Очень Важными и Нужными Людьми. Думал, нащупывал, просчитывал... Собирал сплетни, проверял и перепроверял. Кое-что, конечно, рассчитывал. Но больше доверял чутью – инстинкту. Всего девять лет – и он замести-

тель Управляющего. О-о-о!..

Конечно, если б не выгодный брак по расчёту, не видеть бы ему дальнейших перспектив – в тесный мирок Финансистов с родословной и безупречным послужным списком не пускают тех, у кого ни гроша за душой. А так – сплочённый и хваткий клан Гугенхаймов открыл ему пути к...

Хохотушку Клару Магнус вспоминал с добротой и щемящим ощущением утраты – она и правда любила его. А он... Позволял себя любить. И ковал, стиснув зубы, и вкалывая, как каменщик на стройке, по шестнадцать часов в сутки, для неё (и для себя, конечно), могучий фундамент! На котором и воздвиг в годы расцвета собственного таланта (Это – для непосвящённых его способность увидеть выгоду – талант. А для него самого, и сотни-другой таких же как он, дельцов – бешенное терпение и трудолюбие! И, разумеется, трезвый холодный расчет.) здание преуспевающего Бизнеса. И, разумеется, получил заслуженное ПОЛОЖЕНИЕ в чертовом Обществе!

Как тут не вспомнить симпатягу Рэта Батлера – вот уж четко и цинично описала его старания Маргарет Митчелл! Ханссон же просто нагло воспользовался методикой. Можно, казалось бы, не напрягаясь, пожинать лавры. Будущее семьи обеспечено! Оба их сына – процветающие юристы. Старший – даже Председатель Коллегии адвокатов. Дочь замужем за сыном сенатора США. В перспективе – губернатора штата Мэн. А еще в активе компании «Магнус Ханнсон

и Ко» – пять внуков и две внучки! И это, конечно, главное достижение старого лиса: будущее его отпрысков вполне безоблачно и радужно. Потому что не отягощено кандалами нищеты – у каждого есть Счет...

Лицо в зеркале приобрело обычное выражение: уголки губ опустились, придавая рту хищное и сосредоточенное выражение. Глаза...

Глаза в последнее время стали сдавать – для чтения пришлось выписать совсем уж сильные очки. Но выражение... Фанатичный блеск отчаянно жаждущего «пробиться в люди» юнца не исчез – он как бы преобразился в сосредоточенную деловитость и просвещённую компетентность. Да, изощрённо-хищную и гнусно-подлую изнанку финансового мирка хэrr Ханссон теперь знает вовсе не поверхностно. В том числе и *это* привело к тому, что великолепная львиная грива чёрных, как смоль, волос, которой он так гордился в молодости, превратилась в жидкую белую полосу по контуру черепа где-то там, далеко за макушкой...

Хватит ностальгировать. Сегодня это случится. Сегодня та, что в далёких семидесятых даже не удостоила его хотя бы единственным взглядом из-под роскошной шляпы, придёт к нему. Уговаривать его отсрочить выплату по закладным. Кстати, не только на то самое имение, но и на дом в городе, и на последнее прибежище – здание Банка отца. Где самого Банка уже нет и в помине. А он...

Он должен отказать ей.

И вовсе не потому, что огонь всепоглощающей ненависти, зависти, чувства собственного унижения и обиды всё ещё полыхают в груди. Нет – он как Делец понимает, что это...

Попросту было бы *невыгодно* его Банку. Хотя самому-то себе он может признаться: да. Да! ДА-А!!! Тысячу раз он пересиливал себя, и заставлял вымотанный, казалось бы, до последних пределов мозг – учить, учить, а тело – не спать! И что же? Вот и настал этот самый момент, который он рисовал себе в воображении пятьдесят с хвостиком каторжных лет: момент его торжества. В дешёвых романах пишут, что в таких обстоятельствах победивший чувствует стыд, горечь и раскаяние... Потому что унизит ту, что боготворил тогда.

Ничего подобного он не чувствует – только чистую, можно даже сказать – светлую, *радость!*

Может, очерствела душа? Какая чушь – согласно поговоркам и пословицам у Швейцарского Банкира и не бывает Души!

Он уселся за массивный стол. Корреспонденция, требующая личного ознакомления уже готова – ещё бы! Попробовала бы мисс Гендерсон не подготовить её...

Через десять минут он закончил. Нажал маленькую кнопку под столешницей два раза. Лёгкий стук в дверь, и личная секретарша-референт возникла на пороге с блокнотиком – два звонка означали, что Босс будет диктовать.

– Мисс Гендерсон, прошу, присядьте. Писем будет много. Так. Первое – Леви Швайгерту, в Амстердам. Хм. «Уважае-

мый... – он диктовал автоматически, не торопясь. Не потому, что боялся, как бы стенографирующая девушка за ним не успела (нет – она – профессионал, и успела бы даже за скороговоркой!), а в силу привычки – стараясь сразу избежать неловких и нечётких формулировок, которые пришлось бы потом исправлять. Нельзя сказать, что он не доверял мобильной связи... Спешные вопросы, конечно, можно решить и личным звонком.

Но с тех пор, как его «просветили» знающие эксперты, (само-собой, достойно оплаченные!) о технических возможностях американских спутников-шпионов, он предпочитал старый проверенный способ – рассылный с заказным письмом на самолете или машине Банка...

Через полчаса с корреспонденцией было покончено. Мисс Гендерсон ушла. Заместитель управляющего пришёл.

– Хэрт Ханссон. К вам миссис ВанЭмерих.

– Пригласи. Я приму её.

И вот она заходит – воплощение всех его детских грёз и ночных эротических фантазий... Гос-споди... (прости, что упомянул всуе!..) Что с ней сделало время. А ведь ей не нужно было, как ему, лбом, зубами и локтями пробивать дорогу к куску пирога, и месту под солнцем...

Странно. А где же та милая, и придающая столько пикантности, крохотная родинка над верхней губой? Почему вместо нее – только выделяющаяся нарочито искусственной чужеродностью, но тщательно заретушированная тональным

кремом и румянами, пустота? Неужели... Столь чудесная родинка, под старость, как это обычно бывает, превратилась в отвратительную, с прорастающими насквозь волосами, свешивающуюся книзу бородавку?! И ее удалили пластические хирурги.

Ох уж эта мода на «подтяжки», и всякие «золотые нити»...

А давно, похоже, у неё нет возможностей на все это.

Пытливо всматриваясь в поджатые тонкие губы и обвисшие щёки, он, тщетно пытаясь воскресить те, юношеские, эмоции, вежливо-деловым тоном (О! Уж эти тонкости сотен интонаций, когда, вроде тактично, но чётко можешь дать понять просителю, как его презираешь, и только и мечтаешь поскорее от него отделаться, он освоил в совершенстве!..) сказал привычные положенные слова приветствия, и жестом предложил присесть. Чёрт, да он явственно слышит скрип – это скрипят её колени, не иначе! Иссушенное диетами и солнцем средиземноморских курортов тело весит, наверное, не больше пятидесяти килограмм – как баран. Или овца. Пришедшая на заклание. И что же?

Он не без трепета прислушивался к своим ощущениям. Нет! Никаких «былых» чувств... Как и никаких угрызений совести, или раскаяния от предстоящей экзекуции он не ощущает. Ощущает только лёгкую досаду – на себя. Как раз за то, что не ощущает. Этого самого раскаяния. Это ведь именно его тайными и не очень, стараниями, её семейство

прогорело. (ха-ха!..)

– Хэrr Ханссон... – Боже, какой у неё, оказывается, неприятно-дребезжащий голос. Волнуется? Или он стал таким из-за прожитых лет? – Я хотела просить вас лично, и, разумеется, Правление вашего Банка... – однако закончить ей не удалось. Под ногами возникла вдруг лёгкая дрожь, перешедшая тут же в могучие толчки! Ого!

Землетрясение! Землетрясение?! *В Швейцарии?! Что за!..* Больше ничего дельного подумать он не успел. Потому что внезапно эксклюзивный мозаичный пол из берёзового паркета, привезенного из далекой Карелии, перекрытия первого этажа, бетонные подвалы, и всё, что находилось в Банке – его Банке! – полетело вниз, вниз, ВНИ-И-И-З!!!

А вокруг – он видел сквозь разломившиеся, словно скорлупа ореха, стены! – летели и другие здания: банки, магазины, конторы и кафе! Летели люди и автомобили! Деревья и скамейки скверов!

Всё, словно в безумном фильме-катастрофе, неслось в многокилометровый провал, краёв которого скоро не стало видно: они скрылись где-то далеко вверху, и в туче мусора, осколков, и водах знаменитого озера, каскадом заливавшем возникшую вдруг в земле гигантскую воронку-кратер, и скрывшем небо и поверхность равнины, пыльном облаке...

Как-то сама собой женщина оказалась падающей рядом с ним. И расширенные в панике глаза с мольбой и непониманием обратились к нему. Рука его как-то сама нащупала,

и ухватила тоненькую кисть. Он постарался ободряюще кивнуть, улыбнуться...

И, если уж быть до конца честным (ну, с самим-то собой!), хэrr Ханссон всё же почувствовал некоторое облегчение от того, что ещё не успел произнести роковых слов.

Значит, душа его всё же вовсе не так зачерствела, как считал он сам!

«Баран я и баран. И никакой я не Родион Раскольников. Не чувствую того, что описывал Фёдор Михайлович: «Тварь ли я дрожащая? Или – право имею?!...» Совесть вовсе не так сильно грызёт и терзает. Если честно – вообще никак!

Что это – бессердечие? Хм-м-м... Вряд ли. Ведь даже котам мне было по-своему жалко. Ведь он – не человек. Это люди расчётливо и сознательно причиняют боль и страдания другим!

Особенно, когда ощущают свою безнаказанность... Или тут дело – в самоосознании? В настрое? А ведь я вовсе не считаю себя – правым. Или – вправе. Просто знаю, что – *надо*! Да, я вот так буднично и просто – сделал то, что сделал. И для самого себя я отлично осознаю: нет! Я – не сбрендивший маньяк! Это – вовсе не желание причинить как можно большему числу людей муки и страдания, и убить их, чтобы расквитаться, дать почувствовать и другим те унижения и боль, что выпали в детстве на мою... На наши доли.

Как же назывался этот фильм? А, да – «Не вижу зла».

А что – неплохое психологическое исследование. Ребёнок, воспитанный в клетке, становится послушным и беспринципным орудием в руках ханжи-пуританки... Жаль, про клетку показали мало.

А как насчёт ребёнка – детей! – воспитанных в концлагере? Или – в гестапо? Или – в застенках Инквизиции?!

Кем они ощущали бы себя?! Изгоями? Мучениками? Нелюбимыми, и без причин забытыми Обществом, забытыми, задавленными гнётом мучений и унижений... Рабами, которых заставляют ежедневно драить унитазы, и протирать специально обоссанные полы, и вообще выполнять всю ту работу, за которую денежки платят как раз их мучителям-садистам?! А ещё вспоминаю один из рассказов Джека Лондона – о мальчике-эскимосе. У которого умер отец-кормилец, и ему с матерью приходится довольствоваться объедками от стола племени. Ведь он – не сдался на волю Провидения! Нет – он *думал!!!*

Нужда и отчаяние вынудили его изобрести что-то совсем новое: тонкие полосы китового уса, заострённые с концов. Которые он сворачивал в пружины, и замораживал внутри шарика из жира... Потом, когда белый медведь – эта пятисоткилограммовая громадина, враг всего живого на севере! – глотала такой шарик, «случайно обронённый» убегающей жертвой, жир таял, и распрямившиеся острия втыкались в кишки и желудок зверя... А мальчику только надо было дождаться, когда от внутреннего кровотечения и боли тот

сам сдохнет. Или – не сможет сопротивляться удару копья!

Жестоко, но – какова сама идея! *Каким бы ты не был маленьким и слабым – всегда возможно выдумать Средство и Способ победить любого! Любого* врага!.. И отомстить тем, кто... Впрочем, отомстить-то как раз... А вот проблема – в том, чтобы привлечь внимание так называемой «Общественности», которая в нашем случае... Не поверила. Или – не захотела поверить? Да и правильно – кому хочется осложнять себе жизнь, и верить в *такое*... Что оно возможно в двадцатом веке, и не в застенках того же гестапо. Потом же сколько хлопот – «реагировать, разбираться, и принимать меры!..»

Их отпустили. Вернее – их даже не забирали, ограничившись «расследованием и допросами на месте». И это – как ножом по сердцу!.. И я не мог. Не дождался изготовления Излучателей. Душа горела...

Да и сейчас там, где-то внутри, горит... бушует грызущее, словно личинка осы-паразита, гложащая изнутри тело гусеницы, в которое отложила ее мать-оса, Пламя: нельзя было пускать их судьбу на самотёк! Я – сам Судья!.. И Палач. А вдруг бы они умерли раньше, чем их настигло бы Возмездие?! Своей смертью? В тёплой и спокойной постели?!

Но дело-то как раз – в том, чтобы исключить такие случаи в будущем!.. Чтобы никто никогда не осмеливался унижать и мучить таких, как мы. Беспомощных и слабых детей. Беззащитных и... «Ничьих». Как бы калёным железом выжечь

в мозгах всех людей – не сдавайте вы детишек в Детские Дома! Даже с самым распрекрасным персоналом! Чужие руки – это всегда не то, что руки Матери. Или хотя бы отца...

Нет, не могу передать то, что, как мне кажется, я хочу сказать тем, что сейчас делаю. И собираюсь сделать дальше. Маша, Лёня, Пётр, Алиса... И ещё четверо, которых даже не знаю по именам! Я уже клялся – и хоть миллиард раз повторю: я добьюсь, чтоб о вашей участи узнал весь Мир! Хотя бы мне пришлось для этого уничтожить половину всего населения Земного шара! Зато – какой урок всем остальным! Господи! – прости, что опять помянул всуе! – какой бред я пишу! Я, наверное, слегка... Да скорее всего, и не слегка – сдвинулся, пока сидел в бочке, лежал, связанный в козла, стоял на цыпочках, полуподвешенный, там, в подвалах карцера, или просто – висел, вывернутый на дыбе на крюке... Но хуже всего – привязанное за шею к гениталиям сгорбленное тело: когда уж сам выбираешь, что тебе больше нужно – порция безумной боли, или глоток свежего воздуха!.. Я не могу остановиться – пишу об этом почти на каждой странице!

Но – не могу! Не могу! Не могу не писать!

В память о тех, кто покоится в ямах там, за садом, даже без табличек с именами... Я должен. Должен донести до людей эту мысль: жестокость поражает только жестокость. Другую щёку – пусть подставляет кто хочет!

Да пусть подставляет её хоть всю жизнь – правды или

справедливости *так* не добиться! Скорее – презрения, и ещё худших мук. Я – не Христос. Подставлять не буду. Скорее уж – убью обидчика! Как там у Ницше – «То, что не убивает нас, делает нас сильнее!» Сволочь этот Ницше. Потому что прав, чёрт его раздери...

В этом смысле, наверное, сильнее и умнее меня сейчас во всём мире не найдётся. Как не найдётся и заплатившего за это столь страшную цену...»

Короткий взгляд из-под кустистых бровей показал, что шеф закончил. Да, Ханс Свиндебарн, откинувшись от рабочего стола, потёр друг о друга огромные ладони жилистых рук. Редкостный случай: шеф доволен.

Ассистент доктора, Роджер Эффорд, подумал, что патрон больше всего похож на редкостную птицу эпиорниса, как та описана у Уэллса. Если бы у той были руки... А так – один в один: поистине вселенская злоба в горящих из-под очков (да, в последний год, чтобы работать с мелкими деталями, пришлось выписать плюс два!) глазах, крепкое шестифутовое тело, порывистые, полные энергией движения. Нет, не эпиорнис. Скорей уж – тираннозавр-рекс! Непреклонно нападающий – пока противник не испустит дух. Или – тупо преследующий жертву, пока та в отчаянии, или обессиленная, не рухнет на землю. Потому что крохотный мозг может вмещать только одну мысль!

Ханс Свиндебарн-то точно – преследует одну, определен-

ную, Цель.

Только вот мозг – вовсе не как тот шарик с теннисный мяч, что заменяет таковой тираннозавру! Такого изощренного и изобретательного мозга уж точно нет ни у кого в мире. От этого становилось не по себе. Слегка.

Да и не слегка – особенно в моменты вспышек ярости – Ну-с, мой уважаемый побратим, первый – готов! С чем тебя и поздравляю! – никакого раскаяния в тоне доктора не ощущалось, напротив: он прямо-таки лучился глубочайшим удовлетворением. Словно, наконец, завершил трудную и кропотливую работу, знаменующую Этап в жизни. Впрочем, как знать. Скорее всего, именно так и обстоят дела!

– Но сэр... Вот тут в газетах сообщают, что всего в Цюрихе погибло более пятиста тридцати тысяч по самым приблизительным...

– Ну и что?! Главного-то мы добились! Рассадник чёртовых банкиров-глобалистов и их прихвостней, прямо как в Священном Писании – «провалился сквозь землю»!

– Но сэр... Ведь там были...

– «Невинные люди»? Ты это хотел сказать? Чушь. Таковых не бывает в принципе! Согласно официальной медицинской статистике средний человек врёт двадцать раз за день. А уж грешит!.. Мы раздавили, словно осиное гнездо, рассадник хапуг, барыг и лицемеров!

А то, что при этом неизбежны жертвы и среди «невинного» населения, никоим образом не должно нас волно-

вать! – слово «невинного» доктор произносил иронично-обвиняющим тоном, как бы давая понять, что или этого самого «невинного» населения не существует в Природе как класса, или он в оную «невинность» не верит принципиально.

– Да, сэр... Главного мы добились. – Роджер старался говорить сугубо нейтральным и спокойным тоном, – Что мне теперь делать?

– Как – что? Следующий пункт назначения твоего фургончика – Шато Д, Кабо. Вот и выезжай. Как будешь на месте – найди автомат и звони. Я-то до своей Точки доберусь, наверное, пораньше. И – чтобы без этих глупостей! Соблюдай правила парковки.

– Да, сэр. Выезжаю, сэр. – Роджер, потирая лоб, вышел за дверь, оставив доктора с его любимыми реостатами-генераторами-амперметрами. И новейшим излучателем. Конечно, док прав – в прошлый раз Роджер заплатил совершенно ненужный штраф за неправильную парковку чёртова фургона – передвижного дома. Дотошные французские полицейские придрались к тому, что его «сливное отверстие не подключено к приёмному коллектору, или – не опломбировано!». И плевать им было на то, что он и остановился-то на чёртовом поле всего на пару часов... Ну и ладно.

Профессорская хреновина к моменту прихода полиции уже сработала. Так что он расплатился на месте, наличными, и отбыл с домом-прицепом марки «Форд» восвояси. Профессорский потрёпанный «Рено» и то привлекает меньше

внимания – вот именно в силу своей потрёпанности. Зря они купили новый... Зато мотор хорош. Теперь при выборе места придётся внимательней относиться к «приёмным коллекторам». Или закрытой заглушке. Или не застревать на месте работы так надолго. Док верно говорит: сделал дело – гуляй смело... Но люди...

Он снова закусил губу.

Попадавшиеся навстречу люди, машины и мысли не мешали ему чётко соблюдать скорость и правила движения. Водил ассистент профессионально. Нет, не то, чтобы Роджер любил глобалистов. Жаль было всех остальных – пострадавших заодно с «проклятым фарисейским племенем финансовых воротил», как называл эту братию доктор. Ладно, приехали. Заперев кроссовер «Шевроле», он пересёк стоянку. Усевшись в кабину мощного «Форда», повернул ключ зажигания.

Ну и мотор! Такой, скорее, под стать седельному тягачу – даром, что «Катерпиллер». Профессор молодец. Знает почти любое дело профессионально – чего никто никогда, поглядев на его челюсть боксёра, не скажет... Посмеиваясь в накладную бороду, Роджер вырулил со стоянки.

Сливную трубу полуприцепа отсоединить от коллектора, и закрыть крышкой он не забыл.

«Как этот придурок сказал? «Невинные люди»? Невинные люди... Невинные люди, посмеиваясь про себя, и пока-

чивая головами, слушали сбивчивые и «эмоционально окрашенные подростковой мнительностью» показания.

Действительно ли – не верили? Или просто не хотели связываться?

Не слишком расторопно отправились с Инспекцией из Районо в детдом. Проверили подвалы и подсобки. Не нашли там «Ничего, даже отдалённо напоминавшего бы орудия пыток... И всего остального, фигурировавшего в обвинениях...»

А ещё бы: у *тех* было почти двое суток, чтобы всё вывезти ещё до первого приезда... И удалить тех, кто не побоялся бы повторить и подтвердить показания!

Бедный Лёня. Твоя храбрая попытка не удалась – некому оказалось повторить и подтвердить твои слова: нас, тех, кого «избрали» для «просветления через телесные муки», вывезли на это время на обнесенную трехметровым забором и оснащённую запирающимися воротами территорию летнего лагеря, вывезли даже без тёплой одежды!..

Заперли в бетонном гараже. Пришлось тогда сбиться в плотный комок в углу ремонтной ямы, где нашлись замасленные бушлаты и какие-то полусгнившие обтирочные тряпки и мешки – подстелить на ледяной пол, и кое-как прикрыть дрожащие и почти синие, как у отечественных цыплят эпохи Брежнева, тела: чтобы просто – выжить! Неудивительно, что вскоре – месяца через два – истощённый и замученный Ленька «отправился в бега...» А над очередной безымянной

могилой весной выросли ромашки...

Невинных людей нет.

Есть равнодушные сволочи, самовлюблённые и влюблённые в свой маленький уютненький обывательский мирок, твари, не желающие грузить себя чужими проблемами, с молчаливого согласия которых и существуют такие, как *они*... «Нацики» проклятые.

Блин. Миллиардный раз напоминаю себе, что – уже не существуют. Я уплатил по счетам.

Но теперь нужно сделать так, чтобы о них узнали все. И – всё.

И никогда больше такое не...

Для этого я и веду этот дурацкий Дневник – веду, словно малоумная, зато – «высокоэмоциональная» гимназистка! Описывающая свои чувства к!.. Да, чтоб вам у... раться! Я тоже – описываю свои ЧУВСТВА!!! Только – это отнюдь не любовь...

Те, кто будет читать этот дневник! (А таковые, скорее всего, будут представителями нехилых Силowych Структур!) Бойтесь!

Бойтесь тех, кто кажется сейчас бессильным и бесправным!

Бойтесь чрезмерно закручивать гайки!

Бойтесь обижать НАС!!!

Возмездие – неизбежно!!!»

– Не-е-ет! Дерьмо это собачье, а не крем для загара! Вот – помажься лучше моим – посверкивая пальцами в бриллиантах, Моника отработанным перед зеркалом изящным движением точёной ручки передала тюбик Констанс. Та осторожно, словно тюбик кусался, приняла его двумя пальчиками – видать, опасается за наращённые ногти, подумалось Монике. У-у, с-сучка... Знала бы ты, что я трахаюсь с твоим благоверным каждый четверг! Уж он-то про тебя мне такого... Особенно про то, как ты козюли из носа – да по дну сиденья стула!.. А ты всё строишь из себя даму Высшего Света, а сама не больше, чем десять лет назад, небось, жрала одну жидкую чечевичную похлёбку. Да и то не каждый день! – из-под искусственных ресниц смотреть на заклятую подругу незаметно было проще простого. Но Моника никак не могла остановить вошедшие в привычную колею мысли:

«И сейчас тянешь из мужа бабло на ораву голо... опых оборванцев-родственничков, хоть и перебравшихся из трущоб фавеллы в городскую квартиру, но до сих пор, небось, едящих одной ложкой и суп и жаркое, и удивляющихся устройству унитаза!...»

– Фи! Так он из прошлогодней Линии! – брезгливо, словно протухшую падаль, Констанс вернула тюбик обратно, – Нет, я уж лучше по-старинке. Тем, которым привыкла.

Привыкла ты, б..дь подзаборная, как же! Повезло просто со смазливим личиком да фигуркой – небось мамаша-то не терялась, пока отец-шахтёр отработывал в своей шахте.

А она – на постели. С каким-нибудь загорелым породистым мачо. При мысли о загорелом теле своего последнего уха-жёра, Моника невольно сглотнула и задышала сильнее. Подругу-соперницу она уже почти без инстинктивной первоначальной брезгливости рассматривала куда спокойней.

Ну – так! Они знакомы уже пару лет. Так что можно уже с чистой совестью рассматривать ту, словно банальную редкостную... Змею. Выставленную в музее энто... Этно... Короче – музее природы.

Наблюдая, как на поджарое и плотное благодаря шейпингу и пилатесу тело наносится толстый слой крема, Моника не могла не отметить весьма соблазнительную стройность и грацию зачатой подруги – та не зря платит за всю эту хрень. Может, и самой записаться, да походить? Средства позволяют. Муж тоже. Да и «свободного» времени... Полно.

Однако подумав, Моника откинулась глубже на шезлонг – плевать на все эти процедуры. Она вовсе не толста. Шестьдесят кило для её роста – отличный показатель. А селёдкой-манекенщицей ей никогда быть не хотелось... Ну, вернее, если и хотелось – то лишь до той поры, пока она не повстречалась с Лопесом. Тот сказал, что она в «естественном», неподправленном всеми этими снарядами-упражнениями, и липосакциями, виде, в тысячу раз сексапильней, чем любая дура, тратящая в день несколько часов на то, чтобы согнать избыточный вес, потея, словно глупая кобыла... (Хи-хи. Вот бы дать мужу Констанс понюхать её сразу *после* занятий в тре-

нажерном зале!)

И, к счастью, похоже, Лопес до сих пор остаётся при своём изначальном мнении. Моника протянула точеную ручку, и взяла чёртов Махито. Ну и мерзость эти зонтики. А куда не денешься – надо соответствовать. Ноблесс – облидж. Положение обязывает. Приходится иметь виллу. Яхту. Ездить с мужем в самые дорогие рестораны, делая вид, что вся дороженная фигня, что там эксклюзивно готовится и подаётся в таких порциях, словно это ребёнок на... ал, страшно ей нравится. Посещать спа-салоны, курорты, рауты, одевая тряпки, которые так же удобно носить, как и спать на курином насесте... Загорать на крыше этой самой чёртовой виллы...

Ривьера, мать её!..

– Моника, смотри! Что там с морем? – Констанс, отбросив столь тщательно прививаемый ей лоск и изящную небрежность, показала пальцем. В голосе чувствовался...

Страх?!

Моника, ещё раз злорадно подумав о плебейском происхождении подруги, всё же взглянула в сторону, куда был направлен пальчик с безвкусными рисунками на наращённых ногтях. И...

Вскочила с лежака, тоже забыв про чёртов лоск и ужимки! Чёрт возьми!.. Б...ство! Да что же это за ...?!

– Бежим отсюда скорее! Это цунами! – уже не думая, достаточно ли элегантно распахивается второпях накиннутый

халатик, обнажая строго дозированную для слуг долю наготы, Моника сломя голову кинулась к лестнице. Констанс, взвизгнув, и схватив свой халат в руку, бросилась за ней.

На втором этаже вода их и застигла. Мгновенно почерневшее от огромной глубины панорамное стекло проломил могучий пенящийся поток, и от перепада давлений женщины погибли даже раньше, чем успели захлебнуться!

Цветущий и сонно-расслабленный после очередного кинофестиваля Канн перестал существовать менее чем за две минуты: то, что не поглотило цунами, провалилось на глубину добрых трёх километров... И затопленная воронка размером с весь город, долго бурлила мутно-чёрной, покрытой обломками и грязью, водой.

– Ну что, всё в порядке?

– Так точно, сэр! Запустил минута в минуту. На всё ушло не более пяти минут.

– Отлично. Что – аккумуляторы?

– И они в порядке. Уже снова зарядились до полной... Только... Сэр...

– Ну что ещё, совестливый ты мой? – профессор только что не сплюнул. И лицо сделал такое, словно ему попалась на зуб тухлая селёдка. Или дохлая кошка. Впрочем, за последнее Роджер бы не поручился – никогда не пробовал...

А вот профессор, похоже, попробовал всё. И знал – всё. В его памяти сохранялись, чётко разложенные по полочкам,

знания из сотен смежных областей и профессий. И в любой момент он мог достать их оттуда, сдуть пыль, и применить. К делу.

– Я по поводу Канна. Мы ведь успели продать вашу... Э-э... Ваш домик там?

– Ну... да. Я успел. И – что?

– А вы не думаете, что это... Может вызвать подозрения? Ну, если кто-то решит...

– Решит – что? Связать нас – с этими естественными природными катаклизмами? А с чего бы кому-то так решить?! Разве эти олухи не осмеяли меня двадцать лет назад? Разве с тех пор мы (ну, вернее – я!) где-то светились со своими «идиотскими теориейками»? – вот теперь оказалось видно, что профессор-таки здорово рассержен (если не сказать сильнее!) тем, что оппоненты, и озлобленные его нецензурной руганью и презрением к официальным Званиям и Заслугам коллеги, в своё время подняли его теорию на смех! Он даже снял очки, и протёр запотевшие стёкла и глаза. Затем с видимым усилием вернув себе деловой тон и вид, буркнул:

– Ну, хватит ностальгических «приятных» воспоминаний. Начинается серьёзная работа. Следующий объект – Берн.

Не волнуйся – я проверил. Все наши Точки на этом континенте находятся в зоне одного тектонического региона. Так что никто особо не удивится, что пласты наконец проснулись: напряжения накапливались достаточно долго. Да и Везувий рядом. Если что, умники-тектоники из геофизических

Университетов свалят всё на него...

За работу!

Петра Ковальска подняла выцветшие глаза к пасмурному небу. Похоже, дождя всё же не будет, но давление явно скачет – опять прихватывает сердечко, и дышится тяжело. Да и всё равно пора уходить: скоро любимое шоу со старыми артистами. Оглянувшись, она встала.

– Арто! Домой! – крохотный пекинес поднял от земли бу-сины подслеповатых тусклых глаз. Вяло помахал хвостом. Вразвалочку двинулся домой, подметая шерстью на отвисшем пузике дорогу. А ведь казалось только недавно – не могла сдержаться на поводке! Любимец гавкал и кидался на всех подряд. А пуще всех – на Густава. Наверное, ревновал... Ну правильно: мужчины приходят и уходят, а собака – твой друг навсегда! Ах, Густав, Густав...

Ты теперь на старинном кладбище, в родовом склепе. А вот они с Артемоном пока скрипят. Правда, Арто уже не может подниматься вверх по ступенькам в подъезде – приходится заносить почти ничего не весящее тельце, оставляющее каждый раз на тонких пальцах в коричневых старческих пятнах клоки вылезавшей, и такой же, как теперь и ее, и его, глаза, полиняло-выцветшей шерстки...

Медленно, словно прогуливаясь, они двигались к дому. Берлиненштрассе, к счастью, идёт почти ровно – здесь нигде нет очень уж сильных уклонов и крутых лестниц. Эрнест

словно знал, что ей предстоит доживать именно здесь – продал обе другие квартиры, положил деньги на ее счёт. Теперь ей вполне хватает на хлеб с маслом. Да ещё и на колбасу для Арто.

Ах, Эрнест... Ах, Густав. Ах, Пьер...

Ушли они от неё. А её вот время всё не призывает к последнему отдохновению... Уходу. Нельзя сказать, что она так уж сильно расстроена этим. Но вот глаза почти не видят, ноги – не ходят, ревматизм крутит суставы пальцев рук, стоит на небе показаться не то что облачку – дымке, словно от гаванской сигары. Сигары у неё курил Хулио. Она дразнила его Иглесиасом – уж больно гнусаво он пел под гитару... Хотя бог с ним – пускай бы пел. Так уж и его... Лет с... Восемь? Так, она, значит, получила телеграмму о рождении правнучки в... году, а Хулио не стало в предыдущий год. Чёрт! Получается – двенадцать лет. Боже, как они летят – годы-то, годы!..

В подъезд она вошла за Атро – он даже не задержался, как обычно, понюхать, кто тут ещё оставил пахучих «меток» на его территории. Да, она как-то смотрела документальный фильм про волков: у них точно то же самое: каждый самец метит территорию. А ей-то всё было невдомёк – почему это её красавец не сходит сразу полностью на очень удобной лужайке, а всё норовит частями – и под фонарными столбами, и у парапетов мостов.

На решётчатую дверцу старомодного скрипучего лифта

она даже не глянула – нужно не сдаваться, а разрабатывать! Ноги и лёгкие... Хотя какая уже, к чертям собачим, разработка – чуть не силой она заставляет себя выходить в супермаркет и сквер. До второго этажа добрались за три минуты: минута – пролёт, вторая – отдых. Потом – ещё пролёт.

Отпирая два мощных замка, она подумала, что железная дверь в её квартире – явное излишество. Давно уж считается хламом всё то, что они с очередным мужем, или она сама, так тщательно выбирали, покупали, радовались, как два идиота, приглашая друзей и знакомых на «обмыв» очередного комода или шифоньера. Или телевизора.

Ну и куда теперь всё это? На свалку? В антиквариат? Оценщик сказал, что «коммерческую ценность» представляет только старинный шкаф – который ей достался от прабабушки. Вот уж ни от неё самой, ни от Эрнеста сей монументальный, и занимавший, казалось, полкомнаты, предмет мебели никогда ничего хорошего не слышал! Самый мягкий эпитет – старая рухлядь. (а как приложишься локтем – так и вообще!..) А сейчас это определение лучше всего подходит к ней самой.

Протерев песику лапки со стёртыми когтями влажной тряпкой, она зашла в ванну – помыть руки. Потом двинулась в гостиную. Пора включать чёртов ящик. Новомодный плоский агрегат, названия которого она так и не запомнила, с экраном в полстены, мирно стоял прямо на заслуженном ветеране – полупроводниковом «Филлипе», которым они

так гордились. И из-за которого им какое-то время так завидовали все – и соседи (как сделаешь звук музыки погромче, сразу прибегает сверху фру Гретхен – у неё, понимаешь, «малыш не может уснуть!» А то, что «малышу» двенадцать лет, дела не меняет...), и родственнички. Никак она не смогла решиться, и сдать ветерана в утиль.

Да и ладно – подставки зато не нужно.

Изображение возникло вдруг. Она всё не может привыкнуть. Что это там сейчас? Гос-с-поди! А, это просто фильм ужасов. Эта, как её... Годзилла. Вот. Ох, какая волна! Бедные рыбаки... А гул! Ну-ка, сделает она звук потише... Странно. Что-то звук не убавляется. Батарейка, что ли, опять в пульте сдохла?... Да и гул-то идёт как будто не от телевизора, а...

С улицы? Хм-хм... А если посмотреть в окно? Ох!.. Волна, между прочим, катит прямо по улице, откуда они только что... Странно. И дом содрогается – точно под ним проходит ветка метро – она была в каком-то городе, где метро неглубоко. Вот там реально земля тряслась, как... Как сейчас! А вода-то... Поднимается.

– Арто! Арто, скорее к мамочке! Сюда, пёсик, скорее, мой маленький!.. – схватив подмышку извивающееся и ничего не понимающее тельце, она кинулась снова в прихожую.

Взять, что ли, из шкафа документы?! Э-э, ну их к чертям! Лучше поторопиться!..

Осознавая, что это, похоже, уже ни к чему, она все равно

заперла дверь снова на два замка, и поспешила вверх – к спасительному люку на чердаке! Гул, крик, грохот нарастали, и когда она выбралась на крышу, вокруг царили настоящие Содом с Гоморрой! Только там был огонь с неба, а тут – вода с моря...

Мутные бурные потоки достигали уже второго этажа, и вода всё прибывала... Да что же это такое?!.. Куда смотрит Муниципалитет? В их чистеньком и аккуратном законопослушном городе такого безобразия отродясь не было! Молча, замерев словно в оцепенении, и не в силах осмыслить происходящее, наблюдала она, как волной наконец размыло фундамент, и обрушился и исчез из глаз соседний доходный дом: ну правильно, он был построен на век раньше их дома – тогда ещё не было цемента, а только известь...

Поджав губы, она смотрела, как мимо проплывают деревья, какие-то палки, киоски газетчиков, пакеты, пустые бутылки, автомобили, люди, и всё, что могло и не могло плыть, но сейчас кружилось, словно в дьявольской сарабанде, уносимое неумолимыми водоворотами, и исчезало где-то там, за поворотом.

Внезапно дом содрогнулся до основания, и всё вокруг неё начало проваливаться вниз, вниз – туда, где круговерть осколков и обломков вдруг почернела, и скрылась в вихре пены и черноты!..

Очень быстро они с Арто и домом оказалась на глубине побольше мили, и всё продолжали падать! В животе му-

чительно тянуло – это вам не старенький лифт с движком из прошлого века! Это, это...

Ну да – как на американских горах! Смертельных горах. Так она и подумала, когда лавина грязевого потока накрыла их с пёсиком с головой. А больше подумать она ничего не успела – разве что о том, что теперь и похоронить-то её рядом с Эрнестом не смогут... Кладбище, похоже, тоже смыло!

– ...нет, сэр! Господин доктор, это уже становится слишком опасным! А ну – как нас отследят со спутника?

– Балда ты безмозглая! Хоть и высокообразованная... Ну объясни ты мне – с чего бы это нас стали отслеживать со спутников?! Мы что – радикально-игиловские* террористы? Или нелегальные мексиканские эмигранты? Наркодилеры? Нет? Ну вот то-то!

*Игил – запрещённая в России террористическая организация.

Мы вполне банальные учёные, проводящие плановые замеры напряжённости магнитного поля планеты! Куда запланировано, туда и едем: договора с инвесторами наших исследований оформлены, все как полагается. Работы... Почти завершены.

– Ну... Не знаю я, сэр... Непорядочно как-то всё это... Гибнут ведь и дети, и старики... И женщины. Или... Мы ведь не собираемся потребовать от каких-либо Правительств де-

нег за то, чтобы... не уничтожать очередной Объект?

– Ха! Отличная мысль. Глобальный Шантаж! А что – вот уж подзаработали бы... Вложить только некуда – все чёртовы банки мы отправили прямиком к Вельзевулу! Впрочем, есть ещё Германия. Да, есть немецкие банки – тоже «как часы»... Напомни мне об этом потом, когда я разделаюсь с главным Мерзавцем-Всей-Моей-Жизни! А сейчас, будь добр, засунь в задницу свою опять не к месту прорезавшуюся «совестливость», и принеси мне блок номер восемь. Да, магнетрон...

Комиссар Жюль Бланш внешне не выделялся ничем примечательным. Рост – средний. Телосложение – обычное (то, что под стандартным серым костюмом находится плотное тело с накачанными ежедневными двухчасовыми занятиями всеми возможными видами боевых единоборств, мышцами, знают только сослуживцы!). Глаза – серые, волосы с проседью. Однако было бы большой ошибкой считать, что под этими волосами скрывается и рядовой мозг типичного добросовестного служаки.

Вызов в Министерство Внутренних Дел комиссар воспринял в контексте недавних... Катастроф. Впрочем, это банально-пресное слово не совсем верно подходило к описанию того, что произошло с пострадавшими городами. Грандиозная трагедия. Апокалипсис. Разверзшиеся пучины самого ада – вот что лучше всего отражало то, что случилось в последние пять недель, и украшало заголовки. И всё то,

что пишет пресса, и показывает телевидение, ещё недостаточно полно передаёт то, с чем ему пришлось столкнуться, выезжая на места событий – с горем людей! С отчаянием тех немногих – чертовски немногих! – кто выжил, и понял (такое невозможно не понять!) что оставшиеся там, в адском котле, родные, близкие, дом, работа, привычная жизнь – всё потеряно навсегда!..

Тех же, кто погиб – жаль ещё больше. Они ведь ничем не виноваты – они просто... Жили себе и жили! Ведь не Господь же послал им это в наказание за какие-то особые грехи?!

Ничего, кажется, необычного Муниципалитеты, или жители этих трёх городов в недавнее время не делали. Да и до этого – не сделали? Или... Он что-то упустил? Упустил в анализе обстоятельств, предшествовавших Катастрофам? А главное – уж слишком не похожи эти катастрофы на естественные, «природные». Такие мысли возникли явно не только у него одного – они должны были неизбежно возникнуть у всех мыслящих людей! Даже у Ответственных Чиновников, с их изощренно-заплесневелыми мозгами!

Очевидно, в связи с этим его и вызвали.

Ладно, посмотрим. А пока изучим ещё раз интерьер Приёмной, и ножки мадемуазель Альянс. А ничего. В-смысле, ничего хорошего. Хоть молодящаяся дама бальзаковского возраста и носит положенные по регламенту даже летом колготки с лайкрой, и строгую юбку чуть покороче положенно-

го миди, никто из озабоченно снующих мимо её стола мужчин за последние полчаса даже не глянул в ту сторону, где они призывно выглядывают из-под этого самого стола... Или не привлекают, или...

Всем сейчас не до секса.

Вздыхнув про себя (что никак на каменном выражении лица не отразилось), Жюль отменил пари с самим собой – конечно же, бесполезно спорить: последняя трагедия и «ценные» указания многомудрого Начальства задали мыслям всех работников Министерства строго определённое направление: попробуй отверни!

Чтобы чуть расслабиться, он снова уставился на верхушки деревьев, чуть шевеливших под нежнейшими дуновениями ветерка своими насыщенно-зелеными кронами за герметично (ну так – кондиционеры!) запечатанным окном приемной. Снаружи царило Лето. Вот только ему скоро явно станет не до наслаждения теплом и ветерком.

– Мосье Бланш. – отвернувшись от поморгавшего отсветами на её белоснежной блузке монитора, секретарша соизволила слегка приподнять уголки губ. Очевидно, это должно было означать доброжелательную улыбку. Пальчиком с коротко подстриженным ноготком аккуратно поправила крошечный наушник в ухе, – Прошу. – изящно-небрежный жест ладошкой, – Господин Министр ждёт вас.

Комиссар знал, что в первую дверь стучать бесполезно: она надёжно изолирована от внешнего мира. Поэтому посту-

чал во вторую, и вошёл. А «господин Министр»-то выглядит... Неважно. Это – если говорить мягко. Лицо серое, чертовски нездорового оттенка, глаза... Бегают. Странно. Видать, совсем плохи дела. Где-то он слышал, что отставка всего Кабинета – дело не то, что дней, а – часов. Он вежливыми поклонами приветствовал присутствующих.

– Мосье Комиссар. – заговорил с ним не министр, а вставший со стула у боковой части стола Советник по делам беженцев, – Времени нет. С минуты на минуту здесь будет господин Премьер-министр, и у нас состоится очередное совещание. Прошу. – отработанным жестом Советник указал на стул напротив себя, у огромного плаца с бумагами, заменявшего министру финансов стол. Мосье Бланш не заставил себя долго упрашивать и уселся, пододвинув стул поближе к столешнице, и небрежно отодвинув часть наваленных перед ним бумаг рукой. Похоже, его жест не то что никого не шокировал, а попросту остался незамеченным.

– Жюль. – чуть задыхавшийся министр наконец соизволил вперить глаза в комиссара. То, что его назвали по имени, означало, очевидно, что начальство, хоть и давно его знавшее, но до этого предпочитавшее официоз, смирилось, наконец, с его не совсем традиционными методами работы, – У нас здесь суший ад! Оппозиция требует крови! Да и сам, – чиновник подняв палец, закатил глаза кверху, – дал понять, что мы все – кучка бесполезных дармоедов. Скоро, похоже, полетят головы, или...

Пострадают зады, подумал комиссар, мысленно несколько этому не огорчившийся. Давно он мечтал посмотреть, как те, про которых он думал так же, как и «сам», получают по *реальным* заслугам!..

– Ни аналитический Отдел Контрразведки, ни Сюртэ, ни проклятый Институт Планирования не могут ничего путного предположить... В-смысле – дать объяснение происходящему. Мы до сих пор не можем разобраться – что происходит! Кто виновник всего этого хаоса и катастроф. Поэтому... – министр сделал паузу, рванув воротник, и порывисто покрутив шей, словно воротничок только что чуть не убил его, – Посоветовавшись с вашим непосредственным начальством... Ну, то есть – с министром Юстиции... Зная ваши поистине выдающиеся возможности... И гениальные (ну, в отдельных случаях!) догадки... Мы с Префектом даём вам неограниченные полномочия. (Ну вот он и дожил. До признания его «способностей». Хотя бы – в «отдельных случаях!») Значит точно – ищут козла отпущения!

– Снимите ваших людей со всех дел, которыми сейчас занимается ваш отдел, и начинайте. Искать. Кто, почему, и кому выгодно!.. Ну, ответы на ваши любимые вопросы!

– Простите, господин министр, что уточняю. Вы действительно хотите, чтобы я и мои люди, в обход АНБ, ЦРУ, Интерпола, ФСБ и всех остальных ретивых Спецслужб, занялись поиском...

Виновных в уничтожении Берна, Канна и Цюриха?

– Ну... Да!

Комиссар чувствовал подвох.

Собственно, он чуял его с самого начала – когда его только вызвали, приказав «бросить все, хоть бы речь шла о похищении Моны Лизы!» Явно чёртовы боссы решили найти мальчика для битья – Правительству и Президенту они скажут, что над «проблемой» работают лучшие люди, профессионалы сыска, и умоют руки. А он останется на растерзание – толпе только и ждущих козла отпущения репортёров, да и простых людей, справедливо считающих, что их Правительство до сих пор практически абсолютно НИЧЕГО не сделало для защиты их жизней!

– На какие дополнительные силы и средства могу я рассчитывать для... работы?

– На любые! На любые! Люди? Полк спецназа и батальон морской пехоты в любой момент будут подняты и переброшены по тревоге в любую точку *мира*! Вертолёты? Все чёртовы базы нашего ВВС! Крылатые ракеты? Пять штук! Пожалуйста! Миллионы франков из казны? Без проблем! Зарубежные командировки – ради Бога! Всё, что скажете, всё, что сможет приблизить нас хотя бы к хвостику чёртовой кошки – без ограничений!.. – министр, уже не скрывая бушующей в душе паники, утирал потное лицо и шею платком, ещё более серым, чем лицо. Комиссар понял, что – всё. Приехали.

Он теперь обладает возможностями почти министра Обо-

роны. С которым похоже, придётся тесно контактировать...

Затеять переворот, что ли?.. Всегда мечтал посидеть в кресле Диктатора. А что – солидно же звучит: Хунта комиссара Бланша!..

Ладно, к делу. Они знали, что он никогда не приходит с пустыми руками и... Мозгами. Пусть его не всегда (вернее: всегда – не!..) любят, и вечно норовят «подставить» или хотя бы «примазаться» к его реальным заслугам, но как с лучшим аналитиком-интуитивистом вынуждены считаться. Сейчас он их удивит.

– Хорошо, благодарю за доверие. Могу приступать?

– Да! Да.

– Тогда первое. Прошу вас, господин министр, подготовить Приказ, чтобы Институт Планирования передали в моё полное подчинение. Временное, разумеется. Мне просто нужно, чтобы умники, которые там работают, не корчили из себя гениев от Науки, а... Просто исполняли мои приказы! Это выполнимо?

– Д-да... Да. Приказ будет готов через... Да прямо сейчас! – министр нажал кнопку. Чертовски приятно было наблюдать, как мадемуазель Недотрога сделала квадратные глаза, и получив все причитающиеся указания, отправилась печатать Приказ.

– Сейчас подойдёт Премьер-министр, и ваш чёртов Приказ будет снабжён всеми необходимыми подписями. И печатями. Что ещё?

– Второе. Мне нужен доступ в аппаратную ближайшей американской базы. И все необходимые допуски и разрешения – чтобы я и мои люди смогли работать с их спутниками, спутниками их союзников по НАТО, и просматривать записи с этих спутников.

– Хм-м... С этим сложнее. Ведь мы вышли из чертового НАТО. Хотя и позже снова в него «зашли», былого доверия к нам нет. Хоть и в Варшавский Блок не вступали... О! Пойдите-ка! Есть *наш* спутник – он, вообще-то, числится как ретрансляционный, но... Словом, он висит сейчас точно над Европой. И наверняка записывал всё, что происходило за последние пять недель... Террора!

– Подойдёт. Пожалуйста, допуск.

– Без проблем. Это подождёт до завтра?

– В-принципе, да. Правда, если можно, мне бы хотелось уже с десяти утра начать. Поиск в их архиве записей. И... Наверное, нас, ищущих, будет много – не меньше десяти аналитиков, и трое моих инспекторов. Нужны дополнительные рабочие места в аппаратной. Дублирующие мониторы, компьютеры. И так далее.

– Хорошо. Я... Мы обеспечим. Что ещё?

– Два вертолёта «Линкс», один транспортный типа «Чинука», и частная «Сессна» должны ждать на лётном поле... – комиссар назвал ближайшую Базу морских котиков, – И два три взвода тамошних пехотинцев должны быть всегда наготове.

– Выполнимо. К завтрашнему утру всё сделаем. И выпишем и оформим все необходимые допуски... Список?

– Вот. – комиссар вынул из внутреннего кармана костюма сложенную бумагу, – Здесь те, что будут руководить аналитиками из Института, а в дальнейшем, возможно, придётся сюда добавить ещё восемь-десять фамилий – как раз этих самых аналитиков. Ну, и те силы и средства, что я только что перечислил.

– Хм-м... А знаете, комиссар... – пока министр финансов молча пялился в бумагу, Советник по делам беженцев ехидно ухмылялся, несмотря ни на какие правила этикета, – Мне почему-то кажется, вы уже знаете ответ... На вопрос, на котором мы все сломали головы и зубы!

– Господин Советник, господин министр... Пока, – комиссар говорил сугубо нейтральным тоном, – не могу сказать с уверенностью, где искать ответ на наши вопросы.

Но зато точно знаю, где искать *не* надо!

– Отлично. – показалось ли ему, или оба чиновника заговорчески переглянулись? – Через час ваш Приказ будет подписан. Пришлёте кого-нибудь забрать его?

– Разумеется! Разумеется.

– Профессор! Нам придётся нанимать частный самолёт.

– Это ещё почему?

– В обычный наши чёртовы генераторы точно не влезут! Да и весят они уж явно побольше разрешённого багажа –

тонны по две минимум!

– Ну, знаешь, дорогой мой, если уж на то пошло, ни один частный самолёт четыре тонны тоже не поднимет. Разве что совсем уж большой и заметный – чего мелочиться! – типа русского «Руслана». Или «Мрии» – как там, в фильме «2012»?..

Нам ничего этого не нужно. Мы же пытаемся – ты забыл?! – не привлекать к себе внимания ничем *необычным*. Запоминающимся. А уж за всем необычным и запоминающимся сейчас проклятые спецслужбы точно следят. Допрашивают Боссов террористов. Прокручивают записи со спутников. Прогоняют записи переговоров с подозрительных мобильных. Бдят за всеми дорогами и аэропортами... Да мало ли чего ещё они делают! Видишь, какой я у тебя умный – никаких переговоров по мобильникам мы не вели! Да у нас их и нет!

– Но профессор!.. Как же мы тогда поступим?

– Поедем налегке. Самое необходимое, типа сердечников и излучателей, отправим грузовым карго через обычные океанские порты – используем доставку контейнеровозом. Ведь перевозка промышленного трансформатора, пусть даже научным Подразделением – заметная процедура? Исключим же ее из... Хм. А трансформаторы нужного типоразмера купим на месте. В США. Не надо так смотреть. А-а, ты думаешь – я болван? Не рассчитываю свои силы? Чёрта с два! Я уже всё рассчитал: на сборку двух рабочих приборов уй-

дёт не больше недели! Кстати – нужно арендовать какой-нибудь маленький... А можно – и большенький, миленький домик в провинциальной глуши, поближе к, скажем... Бангору. Чтоб там обязательно был гараж на два автомобиля.

И ещё – завезти туда набор инструментов. Интернетом владеешь? Вот и займись!

В Институт Планирования комиссар приехал без трёх одиннадцать вечера. Один звонок из Министерства, и необходимая Бумага, за которой пришлось специально сгонять Поля, наполняли душу приятным осознанием своих новых возможностей. Э-эх, надо бы разгуляться по полной! Когда ещё ему придадут полк десантников и батальон морских пехотинцев! Не говоря уж о своре юных Гениев...

Окруженные ореолом свежей, еще не успевшей покрыться серой пушистой пылью зеленой листвы, старые деревья парка прошли мимо его сознания. Но, разумеется, оказались автоматически отмечены внимательным наблюдателем, молчаливо жившем в его мозгу. Этот наблюдатель констатировал, что лето еще не перешло в удушливо-безветренную стадию, ближе к июлю выгоняющую основную массу обитателей столицы куда угодно – но только подальше от каменных печей домов и улиц-калориферов... На проходной случилась крохотная заминка: два шкафообразных секьюрити никак не хотели поверить своим глазам. Или испытывали проблемы с буквами... А что – неплохо, конечно, что лучшие

мозги родной Франции под надёжной охраной.

Один телефонный звонок быстро решил проблему – мобильник с прямым телефоном Министра точно не помешал!

Директор встречал его в этот поздний час не слишком приветливо. Уж за это комиссар не мог его винить. А вот за то, что ещё не собрал в здании всех своих «Талантов и Гениев», от комиссара заслуженный Доктор Права получил выговор. Пришлось ожидать полчаса в его кабинете, попивая излишне горячий кофе, и задавая «хитрые» вопросы.

– Скажите, мосье Нуар, ваши возможности в компьютерном плане... Я хочу спросить, имеются ли у вас высококвалифицированные профессиональные кадры, которые, так сказать... Позволяют выудить из сети Интернет сведения, не совсем... М-м... Доступные обычным потребителям?

– Вы имеете в виду – работают ли у нас хакеры? – комиссар неторопливо кивнул, – Ну... Думаю, в сложившихся обстоятельствах скрывать смысла нет. Да, у нас в спецкорпусе работают и профессиональные, как вы метко выразились, высококвалифицированные... хакеры.

– А... Смогут ли ваши специалисты проникнуть, в Базу данных, скажем, Пентагона? Ведь *официально* они не подключены к мировой сети?

– Вот уж без проблем! – директор криво усмехнулся, – «Не подключены!» Ха! Туда, как мне кажется, не может проникнуть только ленивый! Это – не ЦРУ, или АНБ, или ФСБ, у которых действительно нет подключения к Сети. Да и то:

сейчас, в эру глобальной цифровизации можно и к ним...

А что – понадобится?

– Боюсь, что да. И ещё много чего мне с моими сотрудниками понадобится от ваших молодых учёных. Я не сомневаюсь, что у вас здесь, в стенах Института, действительно собраны уникальные таланты. Ну вот, похоже, настало то время и возможность, когда они могут... Проявить себя во всём блеске. И – без краснбайства и всей этой лохмато-махровой демагогии! – послужить своей Стране!

– Но мы... Уже передали все наши докладные и аналитические Отчёты в Министерство! Там знают... Все наши выводы и наработки!

– Отлично. Я ни в коей мере не подвергаю сомнению компетентность ваших специалистов, и добросовестность их, и вашей работы. Просто, боюсь, меня интересуют ответы на совершенно *другие* вопросы...

– Знаете, мосье комиссар, вы говорите загадками – и я не совсем улавливаю направление, в котором...

– Двигается моя мысль? Благодарю за изящный комплимент, мосье Нуар! Боюсь, зачастую направление, в котором движется моя мысль, и методика, по которой здесь, – комиссар постучал себя по седому виску, – происходит работа, иногда ускользает и от меня самого!

В белых отутюженных халатах они производили впечатление. Не такие уж юные, не столь тщедушные, как это при-

нято считать про кабинетных и лабораторных работников, но глаза под очками, и без оных, действительно светились яркой индивидуальностью и умом.

Да и правильно – не такие идиоты государственные чиновники, чтоб платить столь немаленькие деньги разным «сынкам», «блатным протезе», и бездельникам и недоумкам! Если не будет «отдачи» – Институт просто разгонят!

– Благодарю вас, мосье Нуар, – вежливым кивком комиссар как бы намекнул директору, что благодарит за представление его аудитории, и... больше не задерживает. Директор поджал губы. Сдержанно попрощался и вышел. Аккуратно прикрыв дверь. Что говорило о том, что новые полномочия, да и сам комиссар произвел должное впечатление: «Это же – полицейский! Лучше с ним не связываться! Мало ли...»

– Добрый вечер, господа. Благодарю, что любезно согласились прийти сюда. Сожалею, что пришлось побеспокоить вас в столь, как говорится, неурочное время... Но – к делу. Время идет, и каждая секунда нашей с вами бездеятельности может обернуться новой катастрофой. Мое имя Жюль Бланш. Комиссар Жюль Бланш. Как вам только что любезно сообщил мосье директор, мне предоставлены практически безграничные полномочия, и нам, возможно, предстоит... Какое-то время поработать вместе.

Не буду распинаться о том, что от продуктивности этой работы может зависеть «мир во всём мире, жизни миллионов людей, и Будущее человечества». Всё это вы и сами пре-

красно знаете. И понимаете – недаром же Аналитические Отчёты составляли, работая в эти напряжённые дни, буквально сутками. Поэтому не удивляйтесь тому, чем мы с вами займёмся сейчас. – Комиссар прошелся взад-вперед, потирая руки. Эхо шагов отражаясь от стен, лишний раз доказывало – акустика здесь отличная. Уж проектировщики Университетских аудиторий свое дело знают.

Аудитория внимала. Пока – с вежливо-вынужденным вниманием, как к человеку, имеющему право выдернуть их из теплой постели посреди ночи...

– Как люди с аналитическим мышлением вы наверняка поймёте мою позицию в данном вопросе: раз не помог традиционный подход к проблеме, значит необходимо найти нетрадиционный. – два слабых кивка не столько подтвердили, что его немудрёный тезис понятен, сколько выявили сомнения, которые испытывают все эти юные Гении и Доктора Наук в отношении мыслительных способностей какого-то там комиссара полиции... Пусть даже из отдела насильственных смертей. – Пожалуйста, поднимите руки те, кто считает всё произошедшее с городами Канн, Цюрих и Берн – *естественными природными* явлениями. Которые проходят, так сказать, по ведомству Министерства Геологии. – ого! Целых пять!..

– Благодарю за ваше терпение и приношу извинения за потраченное время. Вы свободны. – комиссар, наблюдая, как собираются и покидают огромный лекционный зал,

на первых рядах которого и расположились все участники странного ночного совещания, отпускающие возмущённые восклицания, и замечания о его, и всех чёртовых бюрократах, идиотских идеях, приверженцы гипотезы о Природных Катаклизмах, внимательно следил не столько за сердитым выражением лиц уходящих, сколько за эмоциями тех, кто остался.

А человеку, которого в двенадцатом часу ночи вдруг сдёрнули с уютного домашнего насеста, или даже заставили подняться с постели, очень трудно царящее в душе негодование и сомнение как-то не проявить – будь то дёрганье щекой, кривые ухмылки, переглядывания, шарканье ногами, подкаченные к потолку глаза, или даже просто почёсывание уха...

Вот с такого «почесывателя» он и решил начать.

– Простите, вот вы... Да, вы, молодой человек! Как вас зовут?

– Морис. Морис Ламарш. Я аспирант лаборатории прогнозирования финансовых тенденций.

– Очень приятно познакомиться, мосье Морис. А теперь не сочтите за грубость: ответьте прямо. Как вы считаете – кто, или – что – виновато в гибели городов? Не стесняйтесь: напоминаю – мы должны отойти от традиционного здравомыслия! Так что высказывайте смело любые, даже самые *фантастичные* гипотезы!

– Хм! Вопрос, конечно, интересный... И поскольку вы уже знаете, что я-то не считаю произошедшее естествен-

ным *природным* катаклизмом... – то, что парень помялся не от сомнений, а от желания привлечь к себе внимание аудитории, показало комиссару, что тот вполне себе на уме. И цену своему мнению знает. – Хорошо, может, я и не прав – но я считаю, что тут как в детективах: нужно в первую очередь найти, кому это было выгодно! Назовите меня параноидальным безумцем, я считаю – это дело рук американских банкиров! Они там, у себя, что-то такое разработали, или наняли того, кто разработал... А производственная база у них есть. Даром, что ли, на новые и перспективные военные разработки уходит почти половина военного бюджета. (Уж мы-то в Отделе знаем!) И вот теперь, когда значительная часть золотовалютных активов Франции и Швейцарии уничтожена, почти весь мировой золотой запас – в их ла... э-э... руках. И у их банков почти нет конкуренции! Ещё бы: у себя на континенте они такого небось не применяют! Развалить они намерены *нашу* экономику!

Так что затем смогут диктовать... Хм. Да – диктовать!.. – Отлично. Благодарю за интересный подход. Кто ещё придерживается мнения, что здесь замешаны интересы Большого Капитала? – подняли руки трое. – Благодарю. Прошу вас, – взгляд и лёгкая улыбка в сторону поднявших руки, – и вас, мосье Морис, пройти в Приёмную господина директора. Что делать дальше, вам объяснит мой помощник, инспектор Люка Санд. Пока вы поступаете в его распоряжение.

Благодарю еще раз.

А мы, с вашего разрешения продолжим.

Правда, комиссар и не подумал «продолжить», пока за вышедшей четвёркой не закрылась дверь:

– Прошу теперь вас, мадемуазель... Или – мадам? – вопросительно приподнятая бровь.

– Мадемуазель. Жюстина Февершем. – несмотря на то, что тоненькая сеточка морщин уже окружала несколько печальные глаза, комиссар безошибочно определил, что Жюстина ещё не побывала замужем. Уж слишком изысканно одета – замужней даме, да ещё обременённой семейными заботами, такое излишество, как педантично наложенный грим и бодрый вид, да еще после полуночи, недоступно.

– Итак, мадемуазель Жюстина... Повторяю – не стесняйтесь! Вы скажите, пусть даже гениально глупую – но оригинальную, *вашу*, версию произошедшего!

– Да, мосье комиссар, я поняла. Мне здесь видится вовсе не финансовая выгода... – тонко выщипанные чёрные брови почти сошлись на переносице, когда их обладательница нахмурилась в ответ на вопросительно-приглашающую улыбку мосье Бланша. – Скорее, это месть. Так мог бы отомстить обиженный мальчишка, которого не приняло высшее Общество, не признали коллеги-учёные, и осмеяла пресса. А, главное, – не дали субсидий на разработку Гениального Открытия Века чертовы Финансовые Бонзы!

Словом, закомплексованный, и не повзрослевший фа-

натик, живущий только одним желанием – доказать всем этим... Не оценившим его гениального Открытия. Короче, я считаю, это – работа какого-то учёного-одиночки, что-то этакое... м-м... Изобретшего, и сейчас отыгрывающегося, если можно так сказать, на своих обидчиках! И не принимающего в расчёт ужасные жертвы. Скорее, даже не думающего о них.

– Благодарю за интересную версию, – видя, что продолжения не последует, комиссар прервал затянувшуюся паузу, – Прошу поднять руки тех, кто считает, что это – дело маньяка-учёного, осмеянного и непонятого одиночки!

Поднялось ещё три руки.

Надо же! Договорились они, что ли?! И в этой группе будет трое аналитиков и одна начальница.

Комиссар повторил своё предложение пройти в приёмную и записаться у его помощника и другого бессменного заместителя – Поля Готье. Однако во взглядах, обращённых на него, читалось ожидание продолжения. Ладно, цветочки кончились. Сейчас пойдут ягодки.

– Вот вы, мосье. – на жест комиссара поднялся высокий чуть сутулый мужчина средних лет, с начавшими сесть густыми волосами, длиной почти до плеч. Явно иностранец... Натурализованный. И точно, – Кнут Якобссон? Очень приятно. Что думаете вы?

– Я полагаю, мосье комиссар, что технология и сами устройства, осуществившие это... Эту катастрофу, явно слишком превосходят наши, ну, в-смысле, земные, возмож-

ности. Так что моё мнение – это чудовищный эксперимент каких-то инопланетян. Не гуманоидов. А, скорее, инсектоидов, или им подобных...

Так, понятно. Эта версия, конечно, напрашивалась... Злобные и беспринципные ксеноморфы. Пришельцы. Мечтающие завладеть цветущей планетой.

– Кто ещё считает, что мы стали объектами атаки из космоса? Инопланетянами?

Подняли руки почти все оставшиеся – пятнадцать из семнадцати... Хм. С ними было бы особенно тяжело – предубеждение заставило бы их работать лишь в направлении подтверждения своих тезисов. Поэтому...

– Благодарю за ваше терпение, готовность сотрудничать, и... Не смею больше задерживать! Да, – комиссар кивнул, – на сегодня вы все свободны. Я имею в виду те, кто сейчас поднял руки. – тяжёлым взором комиссар заставил опуститься на места тех двоих, что не подняли рук. И пока остальные выходили, буравил их уличающим взором.

– Ну, теперь можете смело высказывать то, что предлагаете в качестве объяснения вы, – комиссар подошёл вплотную к жавшимся друг к дружке, словно в поисках моральной поддержки, совсем молодым ещё парням – один с серёжкой в ноздре, у другого серьга торчала из края нижней губы. Не иначе, «семья». Ну, то есть, голубые. Плевать – лишь бы мыслили нестандартно. И – по возможности трезво.

– Итак, мосье?..

– Огюст Реми... и Себастиан Галуччи. Мосье комиссар. Мы... – комиссар, слегка приподняв кончики губ, чуть кивнул, чтобы показать, что он внимательно слушает, – мы считаем, что такую жестокость мог проявить только какой-нибудь эмигрант. То есть, не – коренной житель Франции или Швейцарии. И вообще – Европы. Мы даже целую «легенду» сочинили, – комиссар заметил, как Огюст взял под столом узкую ладонь кивавшего Себастиана, коротко глянув тому в глаза, – Это – почти наверняка эмигрант из бывшего Советского Союза.

Лет тридцать назад оттуда бежали все, кто только мог. Конечно, и учёные, не нашедшие финансирования своим разработкам, и «непризнанные гении» тоже... А учёный, о котором мы думаем, мог работать в сфере климатического... или тектонического оружия. А тогда это направление в «оборонке» вообще не финансировалось – вот такой учёный и мог бежать на Запад, и предложить свои идеи богатым... Спонсорам.

И мы считаем, что ему отказали!

Поэтому он зол на них, проклятых «богатых буржуев», как им там вбила их пропаганда, и мстит им своим оружием, которое всё-таки построил!

– Очень интересная проработка... Отталкивается, скорее, от личности предполагаемого преступника. Вы прослушали курс психологии и мотивации у профессора Кробата?

– Я. Я прослушал. А Себастиан указал на «утечку мозгов»

из СССР...

– Отлично. Прошу вас также записаться у моего ассистента. Затем вас отвезут домой. Завтра в девять жду вас обоих здесь. В корпусе Ф. В аппаратной на нулевом уровне. Допуск мы оформим.

– Так мы... Мы можем считать себя прошедшими отбор?

– Да, чёрт возьми, можете. Более того, господа: если нам с вами удастся найти и нейтрализовать виновного... Или – виновных – мешок денег и Орден Почётного Легиона за заслуги перед Отечеством я вам гарантирую! – комиссар внутренне содрогнулся. Но – что делать! Похоже, эти двое, хоть и нетрадиционной ориентации, но и правда – мыслят вполне... нестандартно. И – что главное! – трезво!

Утро застало комиссара, так и не прилѐгшего ни на минуту, в аппаратной нулевого уровня. А если быть более точным – на глубине восьмидесяти метров под ничем не примечательным двухэтажным корпусом «технического обеспечения», под литерой «Ф», куда обычно входили «работать» только по спецдопускам, пройдя сканирование сетчатки глаза, восемь штатных «специалистов по работе с общественностью», как здесь называли обыкновенных хакеров. Впрочем, почему – обыкновенных? Хакеры, разумеется, тоже проявили себя лучшими из лучших... Болтливых лентяев на секретной госслужбе держать не любят.

Сейчас все эти специалисты и десять отобранных вче-

ра учёных сидели на принесённых дополнительных стульях, и креслах, что располагались непосредственно у новых рабочих столов с компами. И все глядели на него: настороженный скепсис не светился только в глазах Поля, Ивлина и Люка – его инспекторов, и Константэна Пьермонта – другого комиссара, которого Бланш взял в помощь своим людям. Как координатора.

– Доброе утро, господа. То, что мы с вами находимся сейчас здесь, и получили карт бланш на все – подчёркиваю – все! – возможные, законные, или незаконные, действия, показывает, что наше Правительство зашло в тупик, полагаясь на, как я уже упоминал, традиционные, официально принятые способы и средства ведения этого дела. А заодно и то, что спецслужбы всех стран оказались в... тупике. Назовём это место так. – раздались смешки и пофыркивания. Явно его юные дарования и не сомневались в некомпетентности спецслужб в таком деле! – Далее. Нам понятны инсинуации поборников гипотезы Пришельцев, но они... Никак не позволяют приблизиться к преступнику. Или преступникам. Да, мы с вами должны исходить из того, что преступник – человек. И действует в соответствии с Планом. Вот этот-то план... И этого человека мы и должны вычислить и раскрыть. И, главное – обезвредить.

К делу. Я уже описал вам те льготы, привилегии, награды и материальные блага, которые получит каждый член нашей маленькой группы, если мы найдём решение, выявим винов-

ного, или виновных. И предотвратим дальнейшие... назовём всё же произошедшее – терактами. А версию злобных инопланетян и природных катастроф в духе «это – сама планета обиделась на человека!» оставим фантастам и фанатам-экологам, считающим, что во всём виновато «глобальное вмешательство человека в экосферу планеты». Которая теперь так мстит неразумным людишкам.

Мы должны исходить из... Реального.

Мой опыт работы в полиции, да и ваш – в бытовых и научных вопросах – говорит только об одном. Исходить нужно из законов Природы и реалий нашего мира. И заинтересованного во всём произошедшем *человека*.

Искать такого человека можно отталкиваясь от двух основных позиций. Первая: мотивы. Вторая: возможности. Ну, если насчёт мотивов, несмотря на высказанные мнения. – лёгкий кивок Жюстине, Огюсту и Морису, – всё же несколько проблематично... Обиженных учёных на планете достаточно. Я предлагаю начать с более материального – возможностей.

Как учёным вам должно быть особенно понятно, что здесь мы имеем дело с чем-то принципиально новым: организовать возникновение в тектонически относительно (Не будем принимать в расчет вулканы типа Везувия или Этны – они такого натворить точно не могли!) спокойном регионе, провал в две мили глубиной и пяти в окружности, современным климатическим, и даже тектоническим оружием – пробле-

матично. Мягко говоря.

То есть, мы все, разумеется, слышали, что в 88-м русские путём закачивания мыльного раствора в скважины вызвали мощное разрушительное землетрясение в Спитаке... Или что зашедший как бы случайно в воды Средиземного моря авианосец США вызвал землетрясение в Сирии. Но это не совсем то, что имеем мы сейчас. Провалы на месте городов центральной Европы материальны, и их размеры почти совпадают – такое, повторяю, не может быть случайностью... И это вам не дождичек, или даже град, или торнадо, которые испытывались на полигонах Невады и Техаса.

Поэтому, – комиссар сделал паузу, вновь обведя всех внимательным доброжелательным взглядом, – сейчас мы будем отрабатывать, ну – то есть, проверять! – первую из наших «безумных» гипотез. Согласно ней, этот, назовём его, «процесс», первоначально не планировался в качестве оружия, а мог иметь вполне мирное назначение.

Например, для рытья котлованов. Или тоннелей метро. Угольных карьеров. Или ещё каких-либо работ, применяемых для выемки или удаления земляных, скальных, рудных или других массивов пород, используемых в народнохозяйственном строительстве, или при добыче полезных ископаемых. То есть – механизация Производства, для экономии сил и средств. Поэтому исходим из той мысли, что любой изобретатель, предвидящий широкое использование такого метода, и огромную экономическую выгоду, которую этот спо-

соб может лично ему сулить, озаботился бы в первую очередь...

Взять на предлагаемый способ Патент!

Люди – они везде люди. Возможность хорошо заработать, как мне представляется, не совсем чужда даже маньяку-учёному. Ну, или таковому не должно быть чуждо хотя бы желание закрепить за собой научный приоритет... Посрамить конкурентов из смежных областей науки. Возвыситься над тупыми и костными «мэтрами», утверждающими, что вот *это* невозможно... Хм. Словом, так сказать, научное тщеславие.

Тут уж закивали почти все учёные, и даже кое-кто из хакеров.

– Пожалуйста, поднимите руки те, кто знает русский язык. – поднялось две руки: Огюста и одного из хакеров, неприметного невысокого седого до белизны человека лет пятидесяти, который назвался Стирателем.

– Благодарю. Мосье Огюст, мосье Стиратель. И... мосье Себастиан. Я прошу вас начать с изучения архивов Патентного Бюро Советского Союза. Начните на всякий случай с периода ... -х годов. То есть – тридцать-сорок лет назад. Такие патенты почти наверняка будут проходить или по разделам «горнодобывающее оборудование» или «способы добычи полезных ископаемых», или... По разделу, естественно, вооружений. Последний наверняка закрыт.

Но я надеюсь, это не явится препятствием для вас, мосье

Стиратель. – последовал вполне обнадеживающий кивок. – Ищите всё, что связано или с воздействием на породы, почвы, пусть даже просто – плотную материю, без ограничений её физических свойств. Самое главное – всё должно быть описано как способ воздействия без непосредственного физического контакта с объектом воздействия – иначе теряется предполагаемая экономия квалифицированного труда шахтёров, проходчиков, инженеров маркшейдеров, и т. д. Понятно? Руководителем вашей группы будет инспектор Ивлин Амаду. Есть возражения? Вопросы? Пожелания? Нет? Тогда попрошу вас пройти в операторскую номер пять – рабочие места подготовлены. Режим работы вы знаете. Обед и ужин нам доставят прямо сюда, кофе – всегда в помещении кафетерия. – с тем, что Ивлин справится со странным нетрадиционным персоналом его первой рабочей группы, Бланш не сомневался. Поскольку в силу специфики работы неоднократно сталкивался с... Нетрадиционными и неформальными, молодёжными, и не очень, объединениями. Или семьями.

– Теперь прошу поднять руки тех, кто владеет английским. Семеро. Трое – хакеры. – Для вас приготовлена аппаратная номер семь. Вас я попрошу заняться Патентными ведомствами США и Великобритании. Повторяю: ищите всё, хоть отдалённо связанное с воздействием на почву, скалы, уголь, или просто – плотную материю. Руководителем в вашей группе будет старший инспектор Поль Готье. Вопросы?

Пожелания?

После того, как вышла и эта группа, комиссар промокнул вспотевший несмотря на кондиционер лоб, платком. Психологический ли это эффект, или действительно во всех подземельях столь влажно – он чувствовал себя некомфортно под многометровой толщей.

– У вас, хорошо (естественно!) знающих французский, самая сложная задача. Обзору подлежат Франция, Швейцария и Бенилюкс. Здесь везде французский – один из языков официальных документов. Разумеется, и Патентов. Что делать, вы уже поняли. Приоритетно изучите Швейцарию – вероятней всего, первый Патент взят именно там. Я не ставлю перед вами каких-либо сроков. Но! Прошу помнить, что излишнее промедление может привести к гибели новых людей, и цветущих городов... И не только в нашей стране – но и в любой другой. Старшим в вашей группе будет комиссар Константин Пьермонт. Работать вы будете непосредственно здесь. Вопросы? Пожелания? Благодарю. – комиссар вежливо поклонился, – В таком случае можете приступать.

Закрыв дверь аппаратной номер три, комиссар поднялся в лифте на поверхность – глотнуть свежего воздуха. Только под раскидистым платаном, проведя рукой по шершавому от отслоившейся коры стволу, он почувствовал облегчение. И не без удивления заметил, что у него трясутся руки. Безобразия!

Ну-ка, прекратить! То-то.

Достав «прямой» телефон, он нажал кнопку вызова.

– Алло, господин Министр, доброе утро... Благодарю, неплохо... Группы приступили к работе.

Вновь пережив сканирование, спуск, и лёгкий приступ клаустрофобии, комиссар по полутёмному коридору прошёл в диспетчерскую. Чиркнул по прорези карточкой. Обзор с камер внутреннего наблюдения оказался отличным – всех людей и даже какие-то изображения на их рабочих мониторах было видно чётко и контрастно. Сидящий за центральным пультом человек повернулся на звук сработавшего кодового замка.

– Привет, Жюль!

– Привет, Хэнк. Ну, как они?

– Ты знаешь, неплохо. Конечно, если б не твои инспектора... Хм. Ну – сам понимаешь – на то они и юные дарования и гении! Таких не приведёшь так просто к общему знаменателю: каждый лучше всех знает, что и как делать! Больше всего проблем пока было у Поля. Не волнуйся: он справился. И уже всех рассадил. Работа пошла – третью антенну уже развернули на американский спутник...

– Отлично. Кофе есть? – по тону комиссара невозможно было догадаться, то ли он действительно доволен, то ли сердится на борьбу за место «альфа-самца» среди учёных.

– Вон там, за шкафом, на столике.

Автомат эспрессо работал, как ни странно, исправно и по-

что бесшумно. Комиссар скривился – слишком поспешил отхлебнуть. Обжёг язык. Да и чёрт с ним – кофе необходим ему. Иначе придётся лечь прямо на кушетку, мирно спрятавшуюся от мониторов диспетчерской тут же, за шкафом с чистыми и записанными дисками, флэшками, жесткими дисками и бог знает, чем ещё...

Чтоб унять дрожь теперь в ногах, и попробовать сбросить давящий груз восьмидесяти метров, пришлось всё же на кушетке посидеть. Выйдя назад уже со второй чашкой в руке, комиссар уселся в пустующее кресло у экранов.

Второй диспетчер, так и не вынудивший наушников из ушей, чуть отодвинулся, чтобы ему было просторней. Не отрываясь от выведенной на большой центральный экран картинки третьей группы, Хэнк Босуэлл буркнул:

– Кстати, поздравляю. Ваши начальнички отделов прямо позеленели, когда Префект сообщил, что тебя повысили, наделили особыми полномочиями, и отправили на спецпроект. Зампрефекта так вообще думает, что ты копаешь под него... А ты – копаешь?

Комиссар только фыркнул. Отхлебнул ещё кофе. Тяжко вздохнул.

– Я так и понял, что в Министерстве решили найти козла отпущения. – Босуэлл всё же бросил взгляд искоса на старого приятеля по Легиону. – Говорил тебе: бросай чёртову госслужбу, иди на вольные хлеба! С твоими мозгами ты бы уже давно был где-нибудь начальником Службы Безопасно-

сти. Посиживал в кресле, попивал кофе. Поглядывал изредка на работу подчинённых, да покрикивал. Ездил на личном «Мерседесе»... Как я. А ты, балда такая, лезешь вечно везде со своими «оригинальными решениями», да позволяешь п... расам из начальства присваивать твои заслуги!

– Спасибо. За поздравления, в-смысле... А насчёт вольных хлебов... Верно – звали меня в одно казино. В Канне. – комиссар выразительно глянул на соратника, помолчал. Босуэлл дёрнул щекой. Посопел. Но ничего не сказал. Комиссар продолжил: – А под это назначение... Я, если честно, чуть ли не сам подставился. Специально брякнул при Префекте, что традиционный подход ничего им не даст. Тонко намекнул, так сказать, что вот я бы...

– Ну и на кой... тебе эта забота сдалась?!

– Знаешь, я тебе скажу. Никому не собирался, а тебе – скажу. – комиссар покачал головой, словно речь шла не о нём и его судьбе, а всего лишь о голе, пропущенном сборной какой-нибудь Аргентины в игре с какой-нибудь Венесуэллой, – Мне надоело.

На ещё один вопросительный взгляд искоса, он неторопливо пояснил:

– Надоела рутина. Как только что-то сложное – так я! Как писать отчёты – так я! Когда сложного нет – тоже я!.. На меня даже утопленников и «прыгунов» с крыш стали вешать: а ну, как их – тоже кто-то!.. Вот мне и захотелось на руководящую должность. Чтобы уж я посылал молодых и борзых

работяг-инспекторов на дохлые случаи...

– Очень смешно. Ты кому пытаешься лапшу навесить?

Комиссар хмыкнул. Затем беззлобно рассмеялся – почти бесшумно.

– Да, ты прав. Никогда я не был любителем загребать жар чужими руками. Да шикарные штаны просиживать в мягком кресле. Вот такой уж я придурок – всё-то мне интересно, до всего надо доискаться... А если серьёзно – я посчитал это за Вызов. Вызов моему Интеллекту. – увидев ещё один ехидный взгляд, комиссар поправился – Верно. Не интеллекту, а чутью. Ты прав – тут не мозги главное... Ну вот мне и захотелось проверить: *то* ли мне показалось, или не то?! Поэтому я и ляпнул про «нетрадиционный подход».

– Бараном был, бараном и остался! – печально констатировал Босуэлл, – Да ты хоть понимаешь, балда добропорядочная, чью шкуру отдадут для прибавания метровыми гвоздями к воротам Общественного Мнения, если?!..

– Понимаю, конечно. – комиссар чуть пододвинул кресло на колёсиках к пультам и экранам над ним. – Но я их не разочарую. Или – разочарую, смотря по тому результату, на который они надеются. Я найду этого мерзавца! Я это...

Просто нутром чую!

Два дня ощутимых результатов изучение архивов Патентных Служб не давало. Но на третий случился настоящий прорыв.

Огюст-таки нашёл то, что могло (пока – только могло!) быть ответом на их вопрос. Комиссар в слегка помятом костюме и слегка выпавшийся всё на том же диванчике за шкафом, с интересом смотрел в текст на экране. Стиратель переводил и пояснял своим тихим тускло-бесцветным, но внятным голосом:

– У русских мало Патентов в нашем понимании. Это – Заявка на Авторское Свидетельство. Вот: «Способ удаления пустых пород, покрывающих рудное тело, для последующей разработки месторождений карьерного типа, без применения землеройной техники и ручного труда, отличающийся от ранее известных тем, что...»

– Простите. Я не совсем уловил специфику. Что за «пустые породы»?

– Ну... Хм. Это связано с тем, что месторождений угля, бокситов, нефтеносных песков и всего остального прямо на поверхности осталось очень мало. Такие все выработаны ещё в прошлом веке. Теперь, чтобы добраться до пластов с рудой... Или чего там собираются добыть, нужно сначала убрать толстый – иногда до сотен метров! – слой пустой породы, или, проще говоря, обычной почвы – сверху.

Рыть шахты к залежам угля, или тех же нефтеносных песков, экономически нецелесообразно – дорого, то есть. Ну а сгребать и увозить куда-то миллиарды кубометров глины или скалы чертовски дорого. Вон: в Канаде мучаются, даже самый большой в мире экскаватор-драглайн построили...

Сами знаете – карьерная добыча, обычными экскаваторами и грузовиками – самая дешёвая и выгодная. Вот к ней-то все и стремятся.

– Ага, понял. Благодарю. Прошу – продолжайте! – комиссар внешне не изменился, но даже Огюст, расположившийся сбоку от центрального монитора увидел, как вспыхнули глаза Бланша. Сам-то Огюст не сомневался, что они нашли то, что надо – разработчик Заявки оказался русским! И фамилия его как раз не слишком хорошо вписывалась в менталитет «русскости» – Зисерманн. Ясно, что такой вполне мог из СССР...

Податься за рубеж! И попробовать...

Продаться.

– Ну так вот. Способ действительно бесконтактный. Автор заявки предусматривает вместо выемки грунта, использовать его «переход в состояние другой плотности»!

– ?!

– Этот русский-еврейский придумал какой-то генератор, позволяющий подстраиваться под породы самых разных свойств и прочности. Если поместить любой материал (вот, комиссар – как раз то, о чём вы говорили!) в фокусе лучей двух таких, настроенных в резонанс, излучателей генераторов колебаний, плотность породы меняется скачком! Как утверждает Автор, при этом сокращаются внутриатомные связи. Электроны как бы проваливаются со своих орбит, по которым вращаются, и падают на ядро.

От кубометра породы остаётся не больше напёрстка рыхлой пыли, которую свободно можно сдуть даже комнатным вентилятором! На скептическое хмыканье комиссара Стиратель отреагировал чуть более агрессивно, чем надо бы: – Тут так написано!

– Извините меня! – поторопился загладить «провинность» комиссар – моё хмыканье относилось не к вам, а к комнатному вентилятору. Длинный же шнур понадобился бы для угольных карьеров! – тут уж похмыкали все члены группы.

– Да, пожалуй... – Стиратель вопросительно глянул на Бланша, – Продолжать?

– Да, будьте добры...

– Тогда – сразу самое интересное. Заявку отклонили.

– Что? – комиссар оторопел. Неужели – тупик?

– Здесь приведена формулировка: «В связи с большим объёмом дорогостоящих подготовительных работ признано нецелесообразным экономически...». Ну и так далее. С расчётом и подписью какого-то умника-эксперта из экономического отдела.

– Что за... Черт... И что же там за «подготовительные работы»?

– Похоже, действительно сложные и дорогие.

Чтобы убираемый грунт, или порода оказались точно в фокусе лучей излучателей, нужно было вначале прорыть в полукилометре от массива пустой породы, одну напро-

тив другой, две штольни, диаметром не меньше пяти метров каждая, чтобы эти самые генераторы с их излучателями можно было туда опустить – они должны быть на одной прямой с убираемой породой. И – главное! – не слишком далеко друг от друга. Но и не близко. Иначе не достигался расчётный резонанс и, соответственно, результат.

– То есть, говоря простыми словами, имел место фактор ограниченной мощности, и объём удаляемой породы оказывался сравним с объёмом, вынутым из шахт?

– Ну... Не совсем так. Можно было ведь – как указано на рисунке – рыть две линии параллельных шахт, и всё, что находилось бы между ними, оказалось бы... Уплотнено и развеяно. Однако претензии к заявке имелись ещё и из-за потребления электричества. Генераторы жрали его, как, простите, свиньи – ну, столько же, сколько маленький город...

– Ясно. – хотя комиссару и было не совсем ясно, суть он уловил, – Значит, русские эту заявку завернули?

– Да, завернули.

– А... военное применение он не пытался запатентовать?

– Нет, ничего похожего не нашли – мы же с них и начали.

Так что военные разработки СССР в этой сфере мы проработали уже все... Честно говоря, их и было-то... Немного.

– Странно. Собственно, у меня вызывает удивление тот факт, что крупнейшее открытие в физике ядра вот так буднично прошло, можно даже сказать – проскочило, мимо официальных русских титанов-теоретиков... Ведь это... Ре-

волюция в физике?! Или я не прав? В чём тут дело?

– Революция-то она, конечно, революция... Вероятно, дело в том, что схему устройства и методику работы главных «рабочих органов» – излучателей, изобретатель отказался предоставить. Здесь – вот оно! – есть заключение, как раз из ФИАН-а, от академиков и одного членкорреспондента, что описываемое явление «падения» электронов на ядро *абсолютно* невозможно... По принципиальным причинам, как раз – строения этого самого ядра. Но, как я уже сказал, Заявку отклонили по экономическим соображениям.

– Понятно. Благодарю за отличную работу. Теперь – распечатайте мне на принтере всё, что известно про этого Зисерманна... И фото покрупней... Так, что ещё?.. – от комиссара не укрылось, что учёный ещё что-то имеет сказать.

– Да вот по поводу Авторских Свидетельств... У Зисерманна ещё четырнадцать отклонённых... И тридцать две удовлетворённых заявки! В-смысле, на которые Свидетельства выданы. Правда, они, в основном, касаются улучшения старых, и создания новых измерительных физических приборов и циклофазотронов.

– О! Впечатляет. Похоже, нам попался чертовски умный парень!

– Вот именно, мосье комиссар, вот именно... Он явно очень умён. И как-то уж слишком работоспособен. Двужильный, что ли?..

На базе ВВС в Сюр-мон-ле-Мар комиссара встречали как родного. Ещё бы: Командир гарнизона, ныне полковник, Руже Амбир, целых два года служил в Легионе под началом тогда ещё лейтенанта Жюля Бланша.

Так что от увитых, словно плющом, колючей проволокой ворот до бункера КП комиссара довёз шикарный джип в камуфляжной раскраске, и с мягкими сидениями и кондиционером.

– Ну, здравствуй, командир!

– Здравствуйте, господин полковник! – они крепко обнялись.

– Да ладно тебе, здесь никого нет. Можешь оставить чёртов официоз, и сразу переходить к делу – я знаю, ты хождение вокруг да около не любишь!

– Изволь. Мне нужен наш чёртов спутник. Ну, тот, на котором шикарные телеобъективы. И все записи произошедших катастроф, которые он сделал.

– Без проблем. Только имей в виду: копировать, или вывозить с территории Базы я их даже тебе...

– Знаю. Поэтому мы с моим экспертом изучим всё, что надо на месте.

– Что за эксперт?

– Хакер. Зовут Стиратель. С допусками всех уровней у него всё в порядке. Я его привёз с собой, он ждёт в приёмной.

– Ладно. Сейчас туда позвоню. Бери своего Стирателя, и идёте.

Аппаратная управления спутника почти не отличалась интерьером от КП управления полётами НАСА. Разве что размером была поменьше. И спускаться пришлось не столь глубоко. Пятьдесят человек деловито склонились над мониторами и пультами. Полковник, комиссар и Стиратель поднялись по железной лесенке к начальнику смены, в отдельный кабинет, возвышающийся над залом на добрый этаж. Прозрачная передняя стена-окно позволяла отлично видеть всё, что показывал огромный экран на боковой стене, и все рабочие места.

– Господин полковник! – дежурный офицер вскочил, отдавая честь.

– Господин майор! – полковник чётко откозырял – похоже, не забыл, и даже усовершенствовал преподанные лейтенантом в далёкие ...тые годы, уроки.

– Сегодня на дежурстве майор Ришар Этьен. – комиссар и Стиратель вежливо поздоровались, кивая при представлении. – Господин майор. Это – Спецуполномоченный Министра Обороны, комиссар Жюль Бланш. Это – мосье Стиратель, эксперт. Прошу выполнить все просьбы и пожелания этих двоих специалистов так, как вы выполняли бы непосредственно мои! Речь идёт о Национальной Безопасности.

Через восемь часов у комиссара в глазах плясали чёртики, и казалось, что кто-то противный и злобный насыпал в каждый по пригоршне песка. Он ежеминутно ловил свои руки

на том, что все пытается протереть покрасневшие веки.

Для Стирателя тарашение в мониторы прошло куда легче: очевидно, сказывалась привычка. Однако похвастаться оказалось нечем: никто огромных трейлеров с многотонными непонятными конструкциями по дорогам что Франции, что Швейцарии, за несколько дней до катастроф не возил, и подозрительных грузовиков в расчётных местах не ставил...

Значит, что-то они упустили. Или недоработали.

Итог подвёл Стиратель, называвший обычно вещи своими именами:

– Мне кажется, этой сволочи удалось за эти двадцать два года доработать свою хрень. Похоже, мощность он смог повысить в разы, а расстояние между генераторами увеличить – до десятков миль. Сами генераторы тоже, я думаю, оказалось возможным сильно уменьшить, и питать... Хотя бы от аккумуляторов. Не удивлюсь, если нам нужно разыскивать просто – жилой трейлер-полуприцеп!

– Плохо. Их в одной Франции зарегистрировано более трёхсот пятидесяти тысяч. Не отслеживать же каждый?!

– Каждый – нет. Но если проверить те, что пересекали границу... Из Швейцарии к нам, и обратно – ведь Канн был вторым!

– Неплохая мысль... Но я думаю – мы поторопились. Вернёмся-ка в Институт.

В Институте комиссар сразу отправился в группу инспек-

тора Константэна.

– Ну, что у вас? Есть похожие фамилии? Или – сами Патенты?

– Так точно, мосье комиссар! Есть! После вашего звонка мы конкретизировали объект поисков... Поскольку было фото, мы наплевали на фамилии... И полчаса назад нашли! Правда, патент сильно видоизменён по сравнению с исходным, и теперь речь идёт о рытье котлованов для водохранилищ и прокладке каналов!

Наблюдая вокруг лучащиеся неподдельной гордостью и радостью лица, комиссар понял, что и правда – похоже, есть!

– Ну-ка, господа, рассказывайте – что вы тут такое интересное – по глазам вижу! – раскопали?.. – он поймал себя на том, что и сам довольно улыбается: словно мальчишка, узнавший что вредный математик заболел, и уроков не будет.

Раскопали действительно интересное. Лицо, которому была выдана патентная привилегия за номером ..., носило имя Херберт-Ханс Свиндебарн. И числилось как гражданин Норвегии. Дальше всё оказалось ещё интересней. Патент на своё изобретение Херберт-Ханс потрудился взять всего двенадцать лет назад.

Глядя на заумный чертёж и сложную электронную схему блока питания излучателя, и слушая пояснения Жюстины – весьма профессиональные, кстати! – комиссар регулярно ловил себя на том, что рука как бы сама тянется к затылку. На-

конец дама закончила. Комиссар тяжело вздохнул. (про себя!)

– Так главное отличие от базового образца – в мощности?

– Не только. Мощность, разумеется, поднялась на порядок... А благодаря применению новой японской электроники сами излучатели и генераторы стало возможным сделать действительно намного меньше. По ориентировочным прикидкам, каждый теперь весит не более... Скажем, двух тонн.

– Отлично... Я имею в виду – похоже, мы верно спрогнозировали – ну, вернее, эта честь принадлежит мосье Стирателю! – тот только криво ухмыльнулся, – основную тенденцию усовершенствования как метода, так и механизмов... Назовём это – исполнения.

Мадемуазель Жюстина, скажите... Возможно разместить такой генератор в обычном жилом трейлере, и обеспечить автономную работу от аккумулятора машины?

– М-м-м... Да. Да, вполне. Вполне, мосье комиссар. Хоть в туристском трейлере-полуприцепе, хоть в кузове маленького грузовичка... Хоть в микроавтобусе. Две тонны – ерунда! И аккумуляторов машины, если поставить, скажем, парочку дополнительных, хватит для... одного... Э-э... Сеанса. – она сглотнула, всё же выговорив это слово. Они оба отлично понимали, что оно на самом деле означает.

Комиссар подумал, что пора сделать давно намечаемый звонок.

– Добрый... день. Могу я поговорить с господином гене-

ралом Сергеем Васильевичем Кондратюком?

– Будьте добры назвать ваше имя-фамилию, должность, звание, и цель звонка. Я запишу вас...

– Благодарю, мосье секретарь. Я звоню из Парижа. Моё имя – Жюль Паскуаль Бланш. Майор. А записывать меня не надо – или сообщите господину генералу, что звонит его старый друг по... совместным боевым действиям, и он сам перезвонит, когда сможет... Или просто соедините нас – Сергей Васильевич будет *очень* рад.

На другом конце трубки некоторое время было тихо. Только потрескивал автомат закрытого канала связи. Наконец адъютант решился:

– Одну минуту. Оставайтесь пожалуйста на связи. Я спрошу господина генерала.

Послышались отдалённые щелчки, и русская речь. Затем вдруг в трубке коротко зашипело, и прорезался басовитый хриплый голос:

– Алло! Алло, Жюль? Это и правда ты, старый ты жеребец?!

– Здравствуй, Сергей! Да, это я. – комиссару плохо давался русский, поэтому он сразу перешёл на английский, – Ты как там? Всё ещё начальник? Или собираешься на пенсию?

– Ага, чёрта с два тут соберёшься! Был бы я на пенсии, фиг бы ты позвонил: видать, опять что-то такое, спешное и секретное, связанное с международным терроризмом?.. – прекрасно понимая английский, генерал, однако на него

не перешёл. Как он однажды объяснил комиссару – «выразительность слов не та!» Что ж. Пожалуй, он и прав.

– Точно так. Ты как всегда смотришь в корень. Да, Сергей. Мне очень нужна твоя помощь. У тебя ещё сохранились связи в Министерстве внутренних дел и твоём ФСБ?..

– ...нет, вовсе не обязательно теперь что-то копать! Главное – чтобы фокусы сходились под одним местом. То есть – достаточно просто отвести два таких трейлера подальше друг от друга: лишь бы на одинаковое расчетное расстояние от Объекта атаки! Земля же круглая! Ну как вам наглядней...

Да вот: видите яблоко? – Огюст отобрал названный фрукт у совсем уж было собиравшегося откусить Себастиана, – Если я проткну его вязальной спицей, вот, скажем, так – по хорде! – я могу получить в месте у кожуры, под центром этой спицы, любую нужную мне глубину!

– То есть, если мы знаем глубину...

– Вот именно – глубину получившегося кратера! – мы можем примерно, с точностью до пяти миль, очертить кольцо, в котором нужно просто найти два противостоящие друг другу трейлера. Ну, или грузовика... Чтобы при этом прямая, соединяющая их, проходила через геометрический центр кратера! Наружный радиус такого кольца не превысит, как мне кажется, девяноста-ста миль! Все-таки надо учитывать, что часть мощности лучей рассеиваются породами!

– Благодарю, мосье Огюст. Вы всё прекрасно объяснили. – комиссар взял из рук распалившегося Огюста яблоко, и вернул Себастиану. Тот почему-то очень аккуратно, с опаской, словно то само могло укусить его, положил фрукт обратно на тарелку, – Теперь, конечно, всё гораздо конкретней. Но – и площадь поисков, соответственно, увеличится. К сожалению. Однако я тут подсуетился... Господин префект любезно предоставил в наше распоряжение архивы автоинспекции. Нашей и Швейцарской. – комиссар сделал драматическую паузу. И точно – все глаза оказались прикованы к нему.

Эх, надо было идти работать в театр... Героем-любовником.

– Мосье Херберт-Ханс Свиндебарн приобрёл подержанный трейлер-полуприцеп «Рено» в две тысячи ...м году. Зарегистрировал на себя. Вот, взгляните – комиссар выложил на стол центрального пульта ксерокопии и фотографии, – Вот прицеп. А вот и фото из водительских прав мосье Свиндебарна. Правда, обаятельный старичок?

Старичок окружившим стол людям вовсе обаятельным не показался. Нахмуренные густые брови с проседью как бы говорили о том, что фотографироваться их обладатель не любит. Тяжёлый подбородок, выдающий упрямыца, делал лицо квадратным, придавая его обладателю сходство с носорогом. Или – бульдогом. После полуминуты рассматривания, общее мнение высказала Женевьева:

– А знаете, такой совершенно свободно смог бы убить

не то что полтора миллиона, а и полтора миллиарда!

– Да, лицо не слишком приветливое, не спору. Однако взгляните на фото, которое нам прислали из архивов Российского МВД, – комиссар выложил факс.

Хоть изображение было чёрно-белым, в глаза сразу бросались разительные отличия. Особенно поражала треугольная бородка а-ля Ленин, очевидно отпущенная в угоду политкорректности.

– Этому снимку более тридцати лет. Здесь Александру Александровичу Зисерманну двадцать девять. Не могу, впрочем, сказать, что его глаза здесь лучатся интеллигентностью и терпимостью.

– Похоже, местные российские бюрократы здорово озлобили его ещё в молодости... – протянул Огюст, – Не думаю, что чиновников и... Буржуев он сильно любит. – Согласен. (А можно подумать – мы их любим!) Однако мы ещё не знаем, кто, как, и почему отказал ему – не знаем даже, в чём: то ли – в финансировании, то ли во въезде-выезде. Впрочем, нет – не совсем верно! Я уже точно выяснил, что семнадцать лет назад ему отказали во въезде в США.

– Вау! Так что, господин комиссар? Получается, следующий удар он нанесёт там?!

– Очень возможно. Вот – взгляните. Это – фото из визового отдела Канады. Три месяца назад получено разрешение на въезд для господина профессора Кнута Бенингссона. С последующим проездом через территорию США и Мек-

сики, для «климатологических исследований». Экспедиция под патронажем Стокгольмского Университета.

Усы, окладистая борода и очки несколько хищно-сосредоточенного выражения на лице «госпоина профессора» не изменили. Скорее, ещё рельефней его акцентировали.

– Чё-ё-ё-рт! Мосье комиссар! Беру назад свои сомнения на ваш счёт... И приношу извинения! Похоже, мы-таки нашли его! – Огюст прямо-таки задыхался от эмоций, даже стукнув кулаком по ладони.

– Не так быстро, мосье Огюст. Наш МИД уже отправил все нужные запросы, и в Интерпол, и в Канаду. Но! Как говорят русские – не говори «Гоп!», пока не прыгнешь! Мы ещё не поймали его.

И что-то мне подсказывает, что это окажется непросто.

Уж слишком он выглядит... Ученым. Вернее – наученным. Горьким опытом.

Сравнительно небольшой А-340 коснулся полосы с чуть слышным шорохом, и, подпрыгнув, понёсся по щербатой бетонной реке. Всех, кто сидел в салоне, ощутило тряхнуло.

Комиссар не любил полёты. Ну, вернее, он не любил только взлёт и посадку – словно тебя неудержимо несёт куда-то в неизвестность тряским галопом взбесившаяся лошадь трёхсот тонн весом! У которой может в любой неподходящий момент отвалиться какая-нибудь существенно важная для этого самого полёта, деталь...

После рулёжки и неизбежного ожидания, подсоединили выходной рукав. Так что комиссар даже не смог посмотреть, как изменилось за двадцать лет Шереметьево-два по сравнению с родным суетливо-деловым Орли. Да и ладно.

Поскольку у него была только ручная кладь (разумеется, чёрный дипломат!), он прошёл сразу в зал встречающих.

Среди сотен возбуждённо-радостных и напряжённых лиц в глаза сразу бросался метровый транспарант: «Мосье Жюль Паскуаль». Комиссар хмыкнул: а молодец Сергей. Хотя, вроде, и ни к чему – соблюдает элементарную осторожность. А мог бы и просто написать: «Комиссар Бланш» – наверняка никто бы все равно не почухался. Потому что, если он правильно все просчитал, Зисерманн сюда вряд ли вернётся. Мстить здесь, похоже, уже некому: все его коллеги и начальники на пенсии. Или поумирали.

Комиссар направился к человеку в неприметном коричневом костюме с умными глазами, который и сам уже давно «отловил» его взором, и теперь сопровождал, пока комиссар спускался, и проходил формальный таможенный досмотр.

А формальным тот стал, как только служащий в опрятной униформе взглянул в его паспорт. После чего сразу дежурная улыбка слегка преобразилась в смысле большего радушия, и прозвучало:

– Благодарю, это всё. Добро пожаловать в Россию, мосье Бланш.

– Спасибо. – комиссар отметил, как сразу улыбка верну-

лась в глубины настороженного взгляда, стоило к стойке подойти следующему в очереди пассажиру. Человек с транспарантом уже успел полотнище сложить, и ждал сразу у турникета.

– Рады приветствовать вас в Москве, господин комиссар! Прошу следовать за мной. – комиссара вежливо, но быстро повели обратно на лётное поле через какие-то служебные коридоры, и двери с кодовыми замками, которые его провожаемый открывал просто и легко – словно и жил здесь.

На лётном поле стоял почти оглушающий гул, мерзко воняло соляркой, пылью и выхлопными газами. И если бы не припаркованный у стены из чёрно-зеркального стекла чёрный лимузин, комиссар не понял бы, зачем его сюда вернули.

Сергей вылез с заднего сиденья:

– Чтоб мне провалиться! Жюль, старина! Ты ничуть не изменился! – они обнялись, потискав друг дружку в объятиях. Комиссар сразу сдался – русский мог бы ходить на медведя без рогатины и ружья!

– Сергей! Хватит, мастодонт ты этакий, а то я задохнусь!.. Я тоже рад тебя видеть! Но вот над улыбкой надо поработать – не получается у тебя говорить комплименты. Я знаю, что жутко постарел... – от комиссара не укрылось сожаление и сочувствие, появившиеся в глазах встречающего.

– А-а, ерунда! И не такой уж ты седой. Взгляни лучше на мою шикарную плешь! – последовало приподнимание го-

ловного убора, с нагибанием головы, – Это всё чёртова фуражка: под ней зимой холодно, летом – жарко!

Они влезли в салон, в котором свободно могли разместиться два отделения пехотинцев в полном вооружении. Бар, телевизор и мягкие кресла приятно радовали глаз. Запах дорогой кожаной обивки и настоящих сигар сразу перебил все наружные запахи.

– Слушай, а ты неплохо устроился! – не без доли ехидства констатировал комиссар, похлопав по сиденью, и показав головой.

– Спасибо Родине! Ценит тех, кто ей верно и честно служит, денно и нощно оставаясь на посту, несмотря на происки гнусных...

– Врагов! – смеясь, закончил комиссар, – Ладно, я оценил твой неназойливый юмор. Спасибо, что встретил. Я так понимаю – мигалки нужны, чтобы прорваться через все ваши пресловутые пробки?

– Точно! Михаил, в Министерство! – генерал откинулся от переговорного устройства, – Ну – всё! Рассказывай, во что такое мерзкое и необычное ты вляпался на этот раз?

И за каким ...уем тебе понадобился какой-то старый еврей?..

В здании Министерства царили деловитость и аккуратность даже в мелочах – уж что-что, а дисциплину и чистоту здесь поддерживать умели. Проходя по отделанным настоя-

щим деревом, и без архитектурных изысков, в сугубо деловом стиле, коридорам, и наблюдая, как все встречные лихо отдают генералу честь, Жюль порадовался – похоже, авторитет его спутника позволит избежать долгой волокиты, которая была бы неизбежна, задействуй он официальные каналы.

В кабинете генерал сразу щёлкнул селектором внутренней связи:

– Алексей Петрович, будьте добры, подготовленные документы!

Почти сразу раздался лёгкий стук в дверь, и вошедший капитан в отутюженном кителе положил перед Сергеем Васильевичем красную тоненькую папку. Генерал поблагодарил, и отослал секретаря:

– Проследите, чтоб нас не беспокоили.

– Есть, господин генерал!

Генерал, однако, папку открывать не торопился. Вначале он снова встал и прошёл к массивному старинному сейфу, грозившему своей полутонной проломить пол кабинета. Оттуда генерал достал ещё папку. Положил и её на стол. После чего открыл стоявший рядом холодильник, и вынул бутылку коньяка и рюмки.

– Надо же! Армянский пять звёзд! Где ты его берёшь – уж и Армении-то нет!..

– Не поверишь, Жюль. С тех времён остался. А помнишь, как мы однажды на спор?..

– Не напоминай! Ты тогда честно победил, а я потом...

Полдня встать не мог. А сейчас я вообще старый, слабый, на диете, и...

– Так я же не твой диетолог! И вообще – хватит при-
бедняться! Ну, давай – за встречу!.. – генерал разлил охри-
сто-коричневый густой напиток, и они взяли рюмки.,

– Сава!

– Сава! – комиссар не мог не покатать по рту драгоценную
влагу, оставившую божественное послевкусие.

– Чёрт! Ты прав – хоть это и непатриотично, но наши
не идут ни в какое сравнение...

– Ну так!.. Вон, закуси икоркой – генерал вынул из холо-
дильника и литровую банку чёрной икры с двумя уже торча-
щими ложками. – Давай-давай, не стесняйся! Блюдец нет.

Комиссар не заставил себя долго упрашивать.

Ух!.. Как ему такой встряски не хватало!

Сергей Васильевич разлил по второй.

– Ну, теперь за успешное завершение твоего дела! – они
снова выпили, – Могу от себя лично посоветовать гада Зи-
серманна живым не брать... Иначе у тебя будут неприятно-
сти. Да и не только у тебя. Впрочем, это моё личное мнение!
Садись. – генерал указал на стулья с великолепной резьбой
и позолотой.

– Я смотрю, ты уже всё вычислил. – комиссар положил
ложку рядом с банкой.

– Это было нетрудно. Думаешь, только у вас есть хакеры?
Как только мне доложили, что какие-то гады шерстят базу

данных нашего патентного Бюро, и в том числе по военным разработкам, я велел ничего не делать: сразу понял, что раз из Франции – то это можешь быть только ты. И не для личного удовольствия. Ну а связать «Способ удаления пустых пород» и недавние Европейские катастрофы может и ребёнок. Повезло тебе с этим парнем.

– В каком смысле – повезло? И почему это его живым лучше не брать?

– Выпьем-ка по третьей... За наше здоровье... А почему – не брать, сам поймёшь – вот, почитай-ка. А я пока пойду своих архаровцев погоняю по разным местам – вдруг ещё чего нароем...

Генерал подмигнул и вышел. Комиссар не без опаски придвинул к себе верхнюю папку.

«... после чего грубо выматерился на товарища замдиректора Сергеева Леонида Владимировича, заявив, что имел интимные сношения с его матерью, а сам замдиректора – неумный человек и дятел... (...) Когда остальные свидетели инцидента, присутствующие в кабинете, попытались его вывести, смог вырваться, и пнул ногой товарища завхоза Емельяненко Николая Степановича прямо в пах. Прибежавшая охрана успела предотвратить дальнейшее избивание упавшего на пол завхоза ногами. (...) ...с учётом предыдущих проступков и хулиганских действий, условный срок суд посчитал возможным заменить на действительный, с отбыванием

двух лет в колонии общего режима. (...)...год и три месяца, после чего был освобождён за примерное...»

Чёрт возьми! Перевернув напечатанный по старинке, на пишущей машинке, Протокол, комиссар пошкреб (чертова щетина! Уже пробивается!) подбородок. Н-да!.. Типчик-то им попался тот ещё! Ярко выраженный асоциальный характер. Отягощённый комплексами. И маниями. По-крайней мере двумя: манией величия и манией преследования. Замдиректора и директора обвинил в присвоении его идеек... Гениальных, разумеется.

Комиссар пролистал первую папку до конца: Протоколы предыдущих хулиганских проступков, Выговора за «систематическое нарушение дисциплины», Акт о повреждении стен помещения лаборатории и оборудования взрывом, и решение об удержании из зарплаты в счёт нанесённого ущерба... Справка из психо-неврологического диспансера... Ага – вот интересное: копия записи в трудовой книжке: поощрение в виде премии – за разработку... чего-то там сильно экономящего в народном хозяйстве. И полученные в соавторстве с замдиректора и руководителем отдела Авторские Свидетельства. Всего, как и выяснилось ранее, тридцать два.

Нет, конечно, ничего похожего на потенциальное оружие: способы более точного дистанционного анализа рудных тел на содержание минералов галогенной группы. Способы улучшить лабораторную аппаратуру. Более чувствительные приборы. Да и ладно. Значит, то, что поважней, Александр

Александрович придержал для себя.

Для личного, так сказать, пользования.

Вторая папка оказалась из МИД-а. Заявления, решения, справки... «... на основании Статьи УК СССР за номером... о том, что лица, отбывавшие наказание в исправительно-трудовых заведениях, не могут быть выпущены...» и так далее. Отказ в выезде в Чехословакию. В Венгрию. В Нидерланды. Ого! Настырный парень – порывался выехать ещё в четыре страны ближнего и дальнего зарубежья. И даже Вызова умудрялся оттуда получать... Странно только, что нет попыток отбыть в Израиль.

Может, и там успел кому-нибудь на хвост?.. Или в Израиле уже обосновался кто-то из бывшего начальства? И – самое интересное! – как выехать-то всё-таки умудрился?!

Вернулся генерал

– Интересные папочки?..

– Очень. Одного не пойму: как же он уехал-то?

– По недогляду. В 19... году, когда тут творилось чёрт-его-знает-что, в момент фактического безвластия и пофигизма, этот изобретательный гад якобы «потерял справку» (Ну, у нас те, кто отсидел, паспортов-то лишаются...). Ему чин-чином, выдали временную, об утере. А пока форменную восстанавливали, он и убежал с временной к границе. И, похоже, выехал по чужим документам в Финляндию: туда можно было хоть слонов вывозить, лишь бы пьяных – никто особо на погранпостах не злобствовал, так как пить

ехала масса финнов... Сюда, значит. (У них же нельзя!)

Вот, похоже, у какого-то «оглушённого алкоголем» финна он и разжился... документиками. Впрочем, почему – у какого-то! Вот: поступило заявление от гражданина Финляндии Эрика Хаппосайнена, о краже у него такого-то июня тысяча девятьсот... года паспорта за номером... Ну и так далее. А вклеить своё фото в тогдашний паспорт было нетрудно. Буквально несколько долларов – и «народные умельцы» уж постараются.

– Да, вот уж вам повезло, что он отсюда... Не думаешь, что вернётся теперь обратно – мстить «обидчикам и плагиаторам»?

– Думаю. Ты что, забыл? Я и коллеги всегда на страже любимой... Ну и так далее. Вот и бдим: во-первых, на всех пропускных пунктах стоят видеокамеры с компьютерной программой поиска и распознавания лиц, а во-вторых... В-вторых, будем честны. Всё же по большому счёту, ему здесь делать *уже* нечего.

Почти все его обидчики мертвы. Нет-нет – просто от старости! А кое-кто от инфаркта, или рака. Никаких явно насильственных случаев. Сам знаешь – учёные. Работа в Институте – ну очень нервная и тяжёлая! Один их хренов синхрофазотрон сколько облучения даёт! – генерал снова подмигнул, – А уж интриги! Словно в кружке рукоделия заштатного городишки!.. Бери-ка.

Комиссар осторожно взял рюмку со снова разлитым, дву-

мя пальцами за тонкую ножку. Посмотрел на свет. Отлично играет!.. А букет... Он не кривил душой, говоря, что во Франции такого на производят – вероятно, в Армении-то солнца побольше.

– Спасибо, Сергей. Можно тост?.. За твою жену! Повело тебе!

– Спасибо, Жюль. – генерал чуть заметно нахмурился, – Спасибо. Да, моя – серьёзная. И понимающая... Специфику. Как и твоя была... Очень жаль Мари. И ещё больше – что у вас детей... Знаешь, вот так гляжу на хулиганов-внуков... И малышку внучку... И понимаю, что для них – на всё готов! Хоть до смерти буду сидеть в этом кресле – только бы они могли достойно выучиться и устроиться... – он вдруг оборвал себя, потупился. – Прости. Что-то я... Увлёкся.

– Не извиняйся. Ты же не виноват, что рак... Не научились лечить. Да и вряд ли научатся.

– Точно. Поэтому. – генерал снова наполнил рюмки, – давай теперь стоя. И – не чокаясь. Помянем тех, кто уже не с нами – Царствие им Небесное!..

Так, стоя у массивного стола, они и выпили, генерал – опустив глаза и хмуря кустистые брови, комиссар – глядя на портрет Российского Президента за спиной друга.

– Скажи, Сергей. Ты не узнавал ещё – может... хоть кто-то из коллег этого, как ты говоришь, парня... Ещё здесь? И – жив? – комиссар первым нарушил неловкую паузу.

– Ну как же! Узнавал, конечно. Жива даже его первая де-

вушка – он с ней учился в Физтехе... И еще – коллега по лаборатории. Правда, этот не ходит из-за инсульта, но живёт здесь, в Москве. А «девушку» мы уже доставили из Костромы.

От нас не скроешься, даже закамouflировавшись под бабушку!..

Бабушка оказалась ещё очень даже ничего себе.

Похоже, регулярно смотрела передачи Фэшн-ТиВи о новинках моды, и «Модный приговор»... Даже ядовито-синий казённый кабинет как бы стал ярче и больше от её бирюзового кардигана и светло-зелёных брюк. Да и размер у «девушки» явно не крупнее сорок восьмого. И даже мышцы предплечий, чуть выглядывающие из свободных рукавов, плотные и упругие – похоже, тренажёрным залом «девушка» не пренебрегает. Больше же всего комиссара поразило лицо: несмотря на морщины и то, что подтяжку их обладательница явно никогда не делала, на нём ещё сохранился отпечаток потрясающей красоты. Похоже, в молодости она вполне могла быть «мисс Институт». Или даже «мисс Москва»...

Доброжелательно разглядывая серьёзное и сосредоточенное лицо напротив, комиссар мысленно прикидывал: да, и по росту, и по горделивой осанке, и по статусу первой красавицы такая вполне могла бы стать достойной парой почти двухметровому и атлетически сложенному студенту Зисерманну.

Метившему явно ещё тогда, в юности, уж по крайней мере – в Академики.

– Приношу вам, мадам Наталия, свои самые искренние извинения. Боюсь, это я был причиной вашего вынужденного путешествия сюда.

О! Она ещё и умна! Не торопитесь перебивать его, и выяснять, что он за важная птица. Лишь чуть кивает, давая понять, что ждет, пока он сделает все сам.

– Я комиссар Жюль Бланш, Парижский Округ. Веду расследование, касающееся вашего бывшего сокурсника. – комиссар сделал паузу, и в свою очередь пристально посмотрел в глаза женщине, несколько сильней, чем надо, вдруг сжавшей сумочку у себя на коленях – у неё даже побелели костяшки пальцев!

– И поскольку в живых осталось очень мало его коллег и соучеников, боюсь, мне придётся некоторое время... беспокоить вас своими вопросами.

– Прошу вас, мосье комиссар. После того, как я узнала, что вы из Франции, мне нетрудно сложить два и два. Ну, что там ещё натворила эта сволочь?!

– Э-э... Простите, Наталия, вы про кого столь грубо?..

– Ха! Про Александра Зисерманна, разумеется! Про «Сашулю», как он просил его называть!

– А... Почему вы думаете, что речь о нём?

– Господин комиссар. Говорю же: умею сложить два и два. Пока училась в техническом ВУЗ-е, поднаторела в так на-

зываемом анализе. Да и идейками этот гад так и сыпал. Так что не удивлюсь, если Цюрих, Канн и Берн – его рук дело. Или кто-то там сильно насолил ему... Или... Он хочет славы и денег! Он жутко тщеславен. А уж мстителен...

– Я поражён. Вашей прозорливостью. Речь действительно пойдёт о вашем бывшем сокурснике, Александре Александровиче Зисерманне... Что же до трагической гибели Цюриха, Канна и Берна – я пока затрудняюсь хоть как-то связать её с...

– Да, я поняла, мосье Жюль. Никакой связи, разумеется нет. Всё ясно: соображения Национальной Безопасности не позволяют разглашать... И так далее. Спрашивайте, не стесняйтесь: я эту мразь люблю не слишком сильно. Мягко говоря.

Комиссар, придержав удивление, начал расспросы.

Узнал историю красивых ухаживаний и прогулок под лунной. Безумных поступков влюблённого (вроде прыжка с набережной – прямо в Москва-реку), роскошных подарков (на огромного мягкого медведя ушла вся стипендия за два месяца!) и красивых слов и блестящих перспектив.

Однако через полгода выяснилось, что «Сашуля» вовсе не такой мягкий и пушистый, как прикидывался. Характер стал прорываться – то в отдельных презрительных фразах, сказанных об общих друзьях-подругах, то в привычке «разбираться» физически с «оппонентами» – двух сокурсников Зисерманн, посещавший с первого курса районную школу

бокса, побил за несогласие с его теориями, а одного – за то, что «гнусно причмокивал, поглядывая» на его девушку.

– А ясней всего его нрав проявился в случае с моим котом. Когда я в первый раз привела Сашу домой, Барсик поцарапал ему ногу – вот прямо кинулся, этакой пушистой молнией, и – поцарапал. Странно. До этого он так себя ни с кем не вёл, а тут... Видать почувал что-то такое в Саше... – женщина вдруг замолчала, уставившись в пол. «Или просто приревновал, что весьма часто бывает у как раз самцов-котов...» – подумал комиссар.

– Вы... э-э... Именно это и имели в виду – странное отношение вашего кота к?..

– Нет, господин комиссар, – женщина подняла взгляд. Похоже, ей удалось справиться с эмоциями. Голос остался спокойен и негромок, – Я имела в виду поведение самого Александра. Он тогда погнался за котом по всей квартире, и Барсика спасло только то, что он выскочил в окно на карниз – а то уж не знаю, чем... Но позже, когда я сказала, что меня не устраивает Сашин характер, высокомерие и неприкрытая и беспочвенная злобность в отношении других людей, и предложила расстаться, он... Если бы не мой отец, кстати, – он был другом Ректора нашего Института – мне бы не удалось перевестись в другой Институт. Потому что «Сашуля» просто... Замордовал.

И чего только он по телефону не говорил – я таких гадов больше никогда ни от кого... Но в конце, когда он по-

нял, что я решила окончательно, и к нему не вернусь, он это и сделал. То, что явилось последней каплей, и из-за чего я и перевелась. Из-за чего его чуть не посадили в первый раз. Но хоть из комсомола исключили. Правда, тогда это уже не имело значения – комсомол, в смысле...

Я пришла однажды с занятий. С Сашулей как раз накануне... Поговорила конкретно. Ну... Кричала, конечно... Объяснила, какой он... Гад. Расставила, словом, все точки над «и»!

Так вот, подхожу к квартире. Перед входной дверью стоит большая эмалированная кастрюля. И оттуда идёт пар – ну, словно её только что сняли с плиты.

Я подумала, суп кто-то оставил, пока нёс по лестнице... Оно и верно: суп... Ещё обратила внимание: вонь на площадке стояла страшная – варёной шерстью, как в красильнях.

Это моего кота, моего Барсика эта... Этот нечеловек сварил, да ещё вживую – потом, когда я очнулась, и отец, прибежавший на мой крик, вытащил трупик из кастрюли, оказалось, что кот связан, и привязан к куску рельса на дне...

Отец сразу вызвал милицию, руководство Института... – женщина замолчала, кусая губы, и моргая, перевела взгляд в угол – похоже, боль и шок от старых ран так и не прошли до конца, и скрыть их невозможно несмотря на всё железное самообладание.

Комиссар и сам чувствовал, как по мускулистой спине бе-

гут мурашки – с такой злобой и садистскими замашками он давно не сталкивался лично. Зато отлично знал, кто сталкивался – узники нацистских концлагерей!

– После этого всё и завертелось. Собrania, Протоколы. Исключение Александра из Комсомола. Правда, в Институте его оставили – вынесли Общественное порицание, указали, что если в будущем... Хотя что-то такое... Или хоть на пушечный выстрел – ко мне...

Просто не хотели портить «показатели».

Александр выигрывал для Деканата факультета все Государственные студенческие Олимпиады. Да и Московские. И если бы они его...

Позор для Физтеха, словом.

Только я-то ждать продолжения «разборок» не стала – переехала в Новосибирский.

Потому что отец мне не показал, но я видела – он достал оттуда, из кастрюли, ещё и записку. Я-то знала, что там написано: «Найдёшь другого парня – то же и с ним будет!»

– А вы не думали, что там может быть и другой вариант? – мягко нарушил затянувшуюся паузу комиссар, – Ну, например, что такое может случиться... С вами?

В глазах, поднятых на него, комиссар не увидел испуга. В голосе Натальи его тоже не было. Только спокойная, взвешенная уверенность:

– Нет, мосье комиссар. *Мне* он не стал бы угрожать. За всё время наших «встреч» он меня и пальцем... Сердился на ме-

ня, бывало, конечно! Но – по стенам, по перилам – кулаками бил, но меня... Не прикасался даже! Нет – никогда бы он меня!..

Думаю, это... Он действительно любил меня. Больше жизни, как уверял. И он никогда бы... – она покивала до сих пор грациозно сидевшей на мускулистой длинной шее головой. – Потому что я уверена: подсознательно он до сих пор верит, что я могу передумать, и снова стать «его девушкой»!

«... Она была всё же божественно хороша – этакая цветущая роза. Нет, роза – это слишком банально для неё. Лилия. Нильский лотос. Магнолия. Да – вот это ближе. Экзотическое и невероятно привлекательное создание. Я буквально сошёл с ума. Одурел от аромата. Забыл на время о долге. И даже мести... Нет, вру: я не забыл. Я просто отложил её. А Наталия... Я понимаю теперь, как это – любить... Почему чёртовы поэты пишут всю эту бредятину о «замершем в экстазе сердце» и «трепете вздохов под луной». Это правда – сердце замирало. И ощущения были – бр-р-р!

Почти так же жутко, как в бочке с гвоздями...

Но что толку?!.. Я же видел – любви-то... этой огненной лавины, что сносит голову, и лишает контроля, у неё-то – как раз и нет! А я-то, кретин, дятел, все надеялся – что мои старания растопят айсберг...

Ага, растопят – два раза!

Более глубокой раны этому моему наивному сердцу не на-

носили даже *они*! Они просто мучили тело, но не покушались на Дух. Просто – ломали.

Нет, *они* – не сломали. И – не сломили.

А вот она...

Ей почти удалось. Почти сломить меня. Унизить.

Нет, никто больше *так* не посмеётся надо мной, над Александром Зисерманном!!!

После полугода воздыханий, когда я, как несмышлёный наивный юнец, был готов – да и делал! – тысячу глупостей ради неё, она наконец решилась...

«Подарить» себя мне.

Это она так выразилась, нисколько не сомневаясь, похоже, что не разочарует меня – ещё бы! Опыт-то общения с поклонниками, как я слышал, но не хотел, баран, верить – у неё, похоже, имелся немалый! Когда я, трепеща и вождедея, словно всё тот же поэт, с дебильной платонической Любовью, оглаживал и обцеловывал восхитительно пахнущее и божественно стройное поджарое тело, она гладила мои волосы... И это было верхом блаженства – да, именно так! Моё чёртово сердце превратилось в свиной студень, и трепетало ну в точности как он...

Но потом, когда Она несколько нетерпеливо подняла меня с колен, и дотронулась рукой до... Я понял сразу две вещи: моя Богиня вовсе не так неопытна, как я, нецелованный целомудренный придурок.

И ещё – что я *боюсь* этого. Настоящей физической близости.

сти. Не с «левой рукой» – а именно с женщиной!

Она тогда промурлыкала что-то вроде: «Ну, что же ты? Неужели боишься? Иди же сюда – на постель!» И потом, из-за того, что последовало дальше, я как раз и понял, что моя богиня!..

Много раз кем-то использованная подстилка!

Опытная и искушённая во всём *этом*!

И у меня ничего не сработало.

Когда она убедилась, что «запал» исчез, и у неё, ну, вернее, у нас – ничего не получится, она сделала худшее, что только я мог вообразить: насмеялась надо мной! «Милый! Похоже, у нас – на полшестого уже навсегда... Не представляю, что у тебя будет с остальными, если даже с такой красавицей как я...»

Я схватил свои чёртовы брюки и позорно убежал. Я знаю – я покраснел, сердце готово было выскочить из груди от обиды, и осознания собственного бессилия, чувства собственной неполноценности...

Я в ту ночь рыдал, словно юная гимназистка – да, как идиот. Она, конечно, не могла знать, кто и когда сделал это со мной...

Если получишь миллион пинков и ударов в пах, особенно после демонстрации перед этим скабрёзных фотографий, когда невольно начинаешь возбуждаться... Вряд ли всё, что положено, будет работать так, как надо...

Стойкий рефлекс – как у собак Павлова.

Никогда больше я не подойду к женщинам. Да и к мужчинам.

Это уж точно – не моё.»

Сопровождающий вежливо указывал комиссару, куда двигаться по длинным и запутанным подвалам огромного здания ФСБ. Наконец они дошли до лифта. Комиссар всю дорогу думал. Мысль оформилась в слова только в кабинете генерала:

– Сергей! Во что бы то ни стало нам надо защитить эту женщину. Или я плохо понял характер нашего фигуранта, или ей – и всей Костроме вместе с ней! – угрожает смертельная опасность!

– Хм... Знаешь, Жюль... Такая мысль возникала и у меня. Поэтому я уже отправил вертолёт за её семьёй – перевезём всех в... Впрочем, и тебе не нужно знать, куда именно. Мало ли... Более того – этого даже я знать не буду. Место временной дислокации – на усмотрение старшего по операции, майора... Скажем, Сидорова.

– Разумно. Фамилии – ни к чему. Разумеется, связь как-то поддерживать с «защищаемыми свидетелями» придётся. Но – одностороннюю. Чтоб ты мог сообщить им, что Зисерманн пойман. Или... обезврежен. А вот они... Чтоб ни пикнули!

Ну, хорошо. С сердечной привязанностью разобрались. Коллегу по работе защищать не нужно?

– Думаю, нет. Он никогда с нашим гениальным пай-мальчиком не конфликтовал. На его разработки не покушался. Его девушку охмурить не пытался. Божий одуванчик, словом...

Машину я уже вызвал. Поедешь беседовать?

Проезд под монументальной аркой Кремля обратно в город запомнился на этот раз только тем, что освещён оказался куда лучше, чем сам город – через такой вход-выход явно и мыши не проскочить незамеченной. До окраины Москвы даже с мигалками, и даже поздним вечером, роскошный казённый лимузин добирался больше часа.

Район... Показался комиссару серым и безвкусным: длинные ряды однообразных бетонных девятиэтажных коробок не выделялись ничем запоминающимся. Даже хаотично разбросанные по огромным площадям темных параллелепипедов светящиеся окна не делали строения веселей – скорее уж, печальней, так как точки огоньков казались крохотными на фоне невыразительных тёмных громад: словно это движутся куда-то к далёким берегам корабли с переселенцами в чужие края... Комиссар не смог бы сказать, с чем была связана такая ассоциация, но она полностью вытеснила все остальные.

На седьмой этаж пришлось подниматься пешком – лифт не работал.

Состояние подъезда комиссар мог бы охарактеризовать

как ужасающее: жутко воняло мочой, потом, пылью, гниющими отбросами. Повсюду валялись пустые пластиковые упаковки, баклашки, и бумага... На нижних лестничных площадках окурки лежали буквально сплошным, явно – многолетним, слоем. К тому же цементированным плевками.

Дверь открыла старушка лет семидесяти – очевидно жена свидетеля.

– Здравствуйте. Это я – комиссар Жюль Бланш. Я просил позвонить вам по поводу разговора с вашим мужем, мосье Коростылевым. Могу я?.. – она просто кивнула, чуть отойдя, чтоб он смог протиснуться в узкий проход. Оглянувшись на сопровождавшего его лейтенанта – тот откозырял, и остался охранять лестничную площадку, – комиссар вошёл. Прихожая жутко тесная, захламлённая лежащей прямо на полу старой обувью, а вешалка – пучится толстой кипой даже зимней одежды, висящей и на крюках, и даже на гвоздях, вбитых прямо в стену. Полка для шляп держится буквально чудом, на единственном гвозде, вторым концом опираясь на один из крюков вешалки.

Стойкий, похоже, появившийся прямо с момента сдачи дома в эксплуатацию, запах варёной капусты и всё тех же гниющих отбросов. Тусклая, не то – потрескивающая, не то – постанывающая иногда, словно старый склеротик, двадцатипятиваттная лампочка. К тому же засиженная мухами, и сверху затянутая паутиной.

Не слишком-то велика, видать, пенсия тех, кто положил силы и жизнь на Благо Российской, а до этого – Советской, Науки...

Впрочем, это не его дело. Его дело – добыть нужную информацию.

Комиссар молча всунул ноги в предложенные обшарпанные тапочки на два размера меньше чем надо. Кивнул – мол, всё в порядке. И прошёл в комнату. Она оказалась единственной в квартире. Как эти русские решали проблему спанья/приёма гостей, оставалось выше его понимания. Но, очевидно, как-то решали, раз до сих пор строят дома с однокомнатными квартирами...

Свидетель сидел в кресле на колёсах, и чем-то напоминал Стива Хокинга. Возможно, чуть склонённой к плечу головой. Или – сухоньким, кажется, ничего не весящим телом, костлявые острые коленки которого не мог скрыть даже наброшенный толстый шерстяной плед. Однако взгляд его в свете трёх из пяти горящих лампочек люстры поражал осмысленностью и полным отсутствием тоски по себе, утраченному, и равнодушия ко всему окружающему – хронических спутников всех виденных комиссаром инвалидов. А ещё комиссар подумал, что фамилия матери свидетеля наверняка Бурштейн, Шмуйлович, Рабинович, или аналогичная. Потому что еврейских черт лица не могла скрыть, явно взятая в целях лучшего трудоустройства, фамилия...

– Здравствуйте, Даниил Маркович. Я – комиссар Жюль

Бланш. Франция, Парижский Округ. Мой коллега звонил вам...

– Здравствуйте, мосье комиссар. Да, я помню. Если вам удобно, можем перейти на французский – я владею. Прошу вас садиться – учёный взглянул на женщину, и сделал движение бровями. Женщина подвинула комиссару старинный колченогий стул – похоже, венский! Сколько же ему тогда лет?! Комиссар только усилием воли удержался, чтобы не смахнуть несуществующую пыль с полупротертой вдавленной фанеры сиденья.

– Благодарю. Разумеется, мне так удобней. – комиссар знал, что тщательное проговаривание русских слов и сложности с оформлением их в законченные фразы создаёт у собеседника впечатление, что ему очень трудно. Да, в принципе, так оно и было. Особенно после десяти лет отсутствия практики. Поэтому он сказал:

– Я веду следствие, касающееся кое-кого из ваших бывших коллег по работе в Институте. Поэтому мне понадобилось уточнить некоторые детали этой работы, и лучше узнать этих самых коллег. Могу ли я... задать вам несколько вопросов?

– Разумеется. Ведь вы приехали для этого из самой Франции. Спрашивайте.

– Благодарю ещё раз, Даниил Маркович. Скажите, вы близко знали Зисерманна Александра Александровича?

Показалось комиссару, или глаза старика злобно сверк-

нули? Впрочем, поскольку тот ответил не сразу, стало ясно: пытается не поддаваться порыву, и ответить повежливей.

– Нет. Не могу так сказать. Да и никто не сможет. Близко, если можно так выразиться, Александр не подпускал никого. – французский учёного явно был куда лучше русского комиссара, – Крайне замкнутая натура. Амбиции, как у Наполеона. Злость, подозрительность в отношении коллег – всё-то ему казалось, что его идейки кто-то хочет «похитить и присвоить». Он поэтому и посвятил полгода освоению тонкостей патентного дела – получил около тридцати Авторских, и вдруг пожелал ни с кем больше не выступать в соавторстве! Ну, это после того случая, с замдиректора...

Впрочем, вы, комиссар, наверное, в курсе – было заведено даже уголовное дело, и Александр отсидел год из назначенных ему трёх... – комиссар кивнул. Старик отвернулся, и коротко глянул в угол, где, накрытый белой кружевной накидкой, стоял старинный, похоже, ещё ламповый, телевизор с крохотным по современным меркам экраном.

– Я, собственно, что-то такое и подозревал с того самого момента, когда мне позвонил господин капитан из приёмной господина генерала. Зисерманн, надо же... Спрашивайте конкретней – я уверен, что именно эта сволочь причастна к трагедии Цюриха и ещё двух... европейских городов. Беспринципное и наглое уничтожение людей – как раз его стиль.

– Вы имеете в виду, он и раньше – людей?..

– Да, вот именно. Он ненавидел всех – и знакомых,

и незнакомых. Причём никто из нас так и не смог понять – почему. После трёх-четырёх столкновений все остальные коллеги нашего... Да и чужих отделов просто перестали с ним общаться. Даже по делу.

– Но как же тогда ему удавалось... работать? И почему его не увольняли за...

– За «антисоциальное поведение»? Да, ваша правда: могли бы, десять раз могли бы.

Но на нём держались показатели целого подразделения Института. Говорю же: он получал очень много Авторских Свидетельств, и иногда, особенно вначале, в первые пять-шесть лет, вписывал туда и наше начальство – а тому только того и надо! Вот, мол, никакие мы не тупые и ленивые Администраторы, а вполне действующие учёные!.. Ха! Наверное, вы сможете представить специфику работы Науки в период, когда финансирование пробить могло помочь только вот это самое: Показатели! Экономия финансов страны за счет Внедрений. Наших научных разработок в производство.

А в Институте – пятьсот человек. И у всех семьи... И у директора, между прочим, тоже.

Насколько я помню, пять Свидетельств он кинул и директору. Словно кость со стола. А уж своему непосредственному начальнику – штук десять, если не ошибаюсь... Нет, поймите меня правильно – я знаю его не слишком хорошо, только здоровался, как и все остальные. Мы даже по области работы никогда не пересекались – к счастью для меня! – иначе седых

волос у меня прибавилось бы вдвое! – старик чуть провёл тонкой, словно куриная лапка, обтянутой желтовато-коричневой кожей рукой, по жиденькой, но ещё местами чёрной, шевелюре, – Я-то хорошо усвоил урок: никогда сам не заговаривал, и, тем более, к «его» углу не подходил!..

Видя, что старик не собирается продолжать, комиссар нашёл нужным спросить:

– Так, получается, у него был «свой» угол?

– Да. И всю электронику и даже механику своих приборов и устройств он всегда делал сам. Владел, так сказать, не только паяльником, но и токарным и фрезерным станками, и рубанком.

А уж электротехникой и электроникой – получше многих профессионалов!

Не считался с потраченным временем и силами, чтоб довести начатое до конца – иногда работал и ночами, и когда мы приходили утром, он даже не глядел – кто там... Не успокаивался и не уходил обычно, пока очередная хрень не начинала работать...

С другой стороны – зачем ему уходить? Койка в «его» углу была точно такая же, как в комнате в общежитии.

– А вот те Авторские Свидетельства... Вы видели, что там было заявлено?

– Некоторые – да. В самом начале. Улучшение показателей измерительных приборов. Новые способы диагностики... (Ну, все это потом они, начальство-то наше, и пробива-

ло для промышленности: «внедряло» на металлургических, трубопрокатных, и прочих заводах... Они, вроде, благодарили. Заводы, в-смысле. Эффект явно сказывался.) Потом я как-то перестал интересоваться – знаете, себе дороже...

Александр, собственно, ко мне лично никогда претензий не высказывал – я всё-таки был тогда почти вдвое старше его, и избыточными «амбициями» не страдал. Место старшего лаборанта меня по зарплате вполне устраивало.

Комиссар подумал, что эта черта нрава, похоже, осталась самой существенной и на пенсии. Однако спросил о другом:

– Извините, Даниил Маркович, за вопрос, так сказать, в лоб: если бы вам пришлось коротко и без околичностей выразить ваше личное мнение о...

– ...об Александре, я бы использовал слово: мразь!

– Бланша поразила снова разгоревшаяся в глазах и тоне старика ненависть. Она бушевала, больше не скрываемая, словно настоящий лесной пожар, – Да-да: мразь! Мерзкая беспринципная тварь, в которой чувство своего превосходства над всеми окружающими, и их способностями, раздулось до непомерных размеров! А презрение к «тупым плагиаторам» – возвысилось до Эвереста! И это – при полном отсутствии элементарной совести. Или хотя бы порядочности, принятой не то, что в Обществе, а и в Науке.

Лично я знаю по крайней мере троих заслуженных и уважаемых людей, которых эта... Этот Александр довёл до инфарктов, инсультов, и угрожал физической распра-

вой! И не постесняюсь, если хотите, назвать и их фамилии... – комиссар отрицательно покачал головой, выставив вперед, словно хотел защититься от излишней информации, ладонь. – И если вы сможете «случайно» пристрелить его при аресте – я вам скажу откровенно, пусть и цинично: вы окажете Франции, России, да и всему Миру и всему Цивилизованному... Да и не очень – «Обществу», огромную услугу!

Раз уж этот скот смог уничтожить три города, он не остановится, пока не натворит чего-то ещё похлеще!.. Только чтобы доказать работоспособность того, что придумал. И самому себе – какой он умный! И предусмотрительный – раз его до сих пор не поймали!

Ну, и, конечно, он жаждет отомстить тому, кто, как он считает, обидел его... Причём не важно, когда – пусть даже двадцать лет назад!

Дорогу обратно, в Главное Управление ФСБ, комиссар не воспринял. Потому что взгляд хоть и был обращен в затонированное окно, ничего не видел.

Комиссар думал.

Что могло так испоганить характер, как признавали даже враги, чертовски талантливого и умного парня?

Ведь то, что он талантлив, и целеустремлён в достижении цели, признавали они все. Разумеется, он сейчас может опираться лишь на мнение этих самых врагов. Поскольку друзей у Зисерманна явно не было. А почему не было? Как не было

и другой девушки...

«Обжегшись на молоке, дул на воду»? Неужели у него хоть изредка не возникало желания поделиться хоть с кем-то, «излить, так сказать, душу» – рассказать, что беспокоит, наболело, почему тяжело на душе?..

Или – наоборот: какую замечательную вещь он придумал?

Ведь не могло же так быть, чтоб он ни с кем вообще не разговаривал? Не... Жил? В сексуальном плане.

Может, нетрадиционная ориентация?

Нет, не похоже – все замашки именно как у Лидера, настоящего мужчины. «Альфа-самца». Да и спортивная фигура...

Может, что-то кроется там, в детстве? В Ростове-на-Дону? Кем были мать? Отец? Были ли хоть какие-то родственники? Друзья детства? Почему ничего нет об этом в досье, собранном генералом?

Всё оказалось очень просто.

Третью папку генерал достал из верхнего ящика стола. И комиссар понял, почему тот не сделал этого раньше.

Александр оказался воспитанником детского Дома в маленьком селе, сейчас поглощённого пригородом разросшегося города. Да, «нашедший» младенца якобы в лесу Зисерманн сдал его туда в полуторалетнем возрасте.

Вскоре после этого этот самый Зисерманн отбыл в Землю Обетованную.

Судьба подлинных матери и отца осталась невыясненной – похоже, Александр был рождён вне официального брака. Период детство-юность, продолжительностью в тринадцать лет остался вне справок/актов/протоколов. Вернее, справки-протоколы как раз имелись. Комиссар задумчиво проглядывал все эти казённые бумаги, с трудом разбирая отвратительно отпечатанный на старинных машинках выгоревший и потускневший текст.

«... признать неподтвердившимися факты жестокого обращения... сам признал, что ушибы и ссадины получены во время драки с воспитанником Селезнёвым Николаем... черепно-мозговые травмы получены в результате падения с лестницы... факт изнасилования воспитанницы Марии Аблямитовой медицинской экспертизой не подтверждён... означенные подвалы хорошо освещаются и проветриваются... Так что содержащиеся в заявлении обвинения признаны клеветнической попыткой дискредитировать...»

И только с выпуском воспитанника Зисерманна из детдома оказалось связано разоблачение настоящего, и, похоже, хорошо до этого законспирированного садистско-сектантского мирка: наконец вскрылись и подтвердились свидетельскими показаниями нескольких воспитанников и выпускников, факты избиения, содержания в карцере, и морением голодом детдомовцев двумя воспитателями – семейной четой Кожуховых, незадолго до этого перебравшихся в центральную Россию из-под Львова. Вскоре после развала «единого

нерушимого».

Тут же вскрылись и хищения четой воспитателей продуктов, одежды, обуви, гвоздей, фанеры, и прочего, что выделялось на детей и ремонт здания Государством. Заодно выявили связи Кожуховых с местным участковым, «крышевавшим» чету за определённую долю доходов от реализации похищенного. Вскрылся и такой факт, что отцом Кожухова был репрессированный, а затем амнистированный бендеровец.

Кожуховы получили по три года. Условно. С запретом восстановления на прежней работе. Участковый отдался строгим выговором.

Не такое это было время, чтоб занимать тюрьмы и колонии воришками и расхитителями – там тогда сидели либо за убийства, либо за такое воровство, что доморощенные и банальные мышки-супруги ни в какое сравнение не шли с Крысами... И Крокодилами.

Однако спустя семь лет Кожухов скончался при невыясненных обстоятельствах, похожих на несчастный случай. Утонул в луже на дороге, в которой и воды-то почти не было. Как показала экспертиза – в состоянии сильного алкогольного опьянения. С женой он к тому времени разошёлся, и у той был новый сожитель – из бывших уголовников. Заявления от соседей о пьяных дебошах сыпались буквально еженедельно. Поэтому никто не удивился, когда спустя ещё год женщину нашли с торчащим из сердца кухонным ножом, а сожитель не помнил об этом ничего...

Что не помешало отправить его туда, откуда он сравнительно недавно вышел.

Комиссар закрыл папку.

– Я полагаю, в психологических нюансах ты разобрался. Думаю, сомнений в том, что юный Зисерманн был одной из «избранных» жертв, нет. – в тоне генерала не было иронии. Только печаль. – И ещё. Как-то так странно получилось, что даты смертей обеих воспитателей совпали с плановым отпуском небезызвестной тебе личности...

– Понятно. – комиссар осторожно подвинул папку обратно к генералу, словно та ещё могла кусаться, – Почему же ты мне сразу не?..

– Хотел, чтоб ты – сам всё про него... И – сделать сюрприз.

– Ну... Считай, сделал! Честно говоря, я не удивлён. Нет, Сергей, не подумай, что я сужу о русских только по тебе, Володе, и героям Достоевского: «сложный и непостижимый русский характер», травмы психики родом из детства, нереализованные амбиции, и всё такое...

Нет. Мне однозначно ясно, что Зисерманн *очень* талантлив. И амбициозен. И как раз это делает его ещё опасней. Не то, что он озлоблен, похоже, на весь свет. Не то, что он никому не доверяет, и ни от кого не зависит... И, похоже, материально сейчас вполне обеспечен.

А именно то, что он слишком умён. А его детство, похоже, сняло с его психики оковы, накладываемые таким врожденным чувством нормальных людей, как Совесть.

Нет, «совестливость», как и уважение к окружающим из него точно «вытравили»... Выбили. Наверняка вот только не знаю – он так изобретателен и умен именно в силу «обработки»...

Или это – природный талант.

Но опасен он – именно изошренностью, изобретательностью в способах. (Хотя для «разборки» с воспитателями практически ничего не изобретал. Похоже, всерьез боялся, что не успеет – те умрут «сами».)

Я опасаюсь, если он решит прибыть сюда, тебе не поможет видеонаблюдение в аэропортах и на таможенно-пропускных пунктах железных, и автодорог... Он может придумать что-то нетривиальное. Например, залететь на территорию на дельтаплане. Воздушном шаре. Приплыть в подводной лодке. С аквалангом. Или ещё что-нибудь. А что думаешь ты сам?

– Я скажу тебе. Никому другому не сказал бы, а тебе скажу: я тоже боюсь. – генерал смотрел исподлобья, и не было в голосе ветерана многолетней нудной, тихой, напряжённой, но всегда бушующей необъявленной Войны, бравады или иронии. Только сухая констатация фактов.

– Чем больше я занимаюсь делом этого... гениального Маньяка-психопата, тем сильнее меня одолевает паранойя! И больше всего я боюсь за чёртову Столицу! Институты, в которых он учился и работал, находятся здесь. И хотя никого из коллег и учителей там не осталось... Сейчас я бы дал

три шанса из пяти, что рано или поздно он придет. И агрегаты свои привезёт. Или соберёт на месте.

Да, кстати... Тебе звонили. Из твоей группы. Похоже, у них произошёл прорыв.

– Алло, мосье комиссар? – радость в голосе Огюста не могла исказить даже закрытая линия, – Мы нашли! Ну, то есть, я хотел сказать, мы нашли трейлеры! Со всеми трансформаторами и аккумуляторами... Но самой главной части – излучателей – там нет! Что? О, да! Как? Да так, как вы и сказали – спасибо нашей полиции! Ему выписали штраф – за то, что не подсоединил к канализации сливной коллектор! А дальше – просто! Ваш друг на авиабазе здорово помог... Сначала через спутник мы отследили положение трейлера, который был зарегистрирован на Свиндебарна, а затем, несложными вычислениями по записям спутника за полчаса до катастрофы – и второй! Он оформлен на подставное лицо. Да... Нет, не помощник – помощник водит, но на руках у него права на имя Свиндебарна! И что самое интересное – это у него, у помощника, и паспорт Свиндебарна! Он и похож на те фото, что мы во всех документах... Что? Двойник? Ну...

Может быть и двойник!..

– Сергей! – комиссар сглотнул, засунув палец под галстук, и подвигав шеей, словно воротник стал вдруг мало-

ват (невольнo вспомнилcя «родной» Министр, тоже недавно...), – Похоже, нам удалось найти агрегаты, которыми Зисерманн стёр с лица земли три города. Однако там нет главных частей конструкции – излучателей.

– И... Чем это нам грозит? – отошедший на время разговора комиссара к окну Сергей Васильевич тяжело обошёл массивный стол, и сел на привычное место, предложив комиссару присесть поближе. Бланш подумал, что выглядит его друг неважно. Несмотря на то, что пытается держать марку, и бодриться, от комиссара не укрылось, как Сергей полез в ящик стола и кинул под язык гранулу нитроглицерина, – И – главное... Когда?

– Грозит нам это тем, что наш друг, похоже, решил перебазироваться на новый участок «работы». Вот только не знаю – к вам, или... в США. Излучатели, похоже, нужны ему. Наверное, их сложно изготовить. Но легко перевезти. А трансформаторы и трейлер он всегда может попросту... Купить. Там, куда прибудет.

– Не совсем верно. Трансформаторы у нас продают – только организациям. И то – лишь по предварительным заявкам. А трейлеров-домиков у нас нет вообще. Такой будет выделяться, как корова среди хомячков.

– Ерунда. Есть ещё грузовики, микроавтобусы, полуприцепы.

– М-м-м... Точно. «Газель» бы ему, наверное, вполне...

– Не хочу советовать – ты и сам собаку съел. Как отсле-

дить транспорт – придумаешь что-нибудь. Могу только сказать, что трансформаторы и остальное барахло весят тонны по две – каждый агрегат, и железа в них... До чёрта! Но главное – излучатели. Мы до сих пор не знаем, какая там электроника, как выглядят, сколько весят... И как работают. В Швейцарском Патенте об этом нет ни слова.

– И всё равно. Я жду от тебя этих документов – всех, которые твои ребята смогли и смогут нарыть. Может, мои «умники-инженеры» и аналитики смогут что-то подсказать мне.

– Разумеется, Сергей. Тем более что ваши хакеры свободно могли бы «нарыть» всё это ещё давно – надо было только знать, что искать.

– Вот именно, Жюль – вот именно. Знать. Но откуда мы могли?!...

Теперь настала очередь комиссара сокрушённо покачать головой.

Самолет плавно, словно лодка по зеркально-спокойному пруду, двигался над морем облаков.

Комиссар знал, конечно, что там, за обманчиво надежным тонким алюминиевым бортом – минус пятьдесят, и давление такое, что прорвись эта скорлупка – все задохнутся за считанные мгновения... Однако не это беспокоило его, не давая заснуть!

Зисерманн, чертов Гений, маньяк-разрушитель, беспринципный и бессовестный враг всего живого – *почему?!*

Почему он убил, и, кажется, ещё будет убивать: всех, кто задевал, пренебрегал, завидовал или мешал ему? Даже – кто?..

Неужели нельзя вести себя как все?

Почему не полечиться, в конце-концов, у психоаналитиков, как это сделали несколько других воспитанников чертова Дома?

Или он...

Не хочет лечиться?

Что, если он, как мазохист, готов лизать тот нож, что режет, убивает его, гложет изнутри дневными воспоминаниями, возможно, вовсе не потускневшими от времени? И – наверняка предстающими «во всей красе» по ночам, в кошмарах?!..

По проходу, двигаясь плавно и чувственно, подплыла стюардесса:

– Мосье комиссар Бланш?

– Да, это я.

– Вас к телефону. – она протянула пластмассовую коробочку простого мобильного.

Сердце вдруг сжала волосатая липкая рука страха. Кто это может быть?

Неужели?.. Вот чует его ...опа, что это сам. Александр. Он знает про его расследование. Он отслеживает его действия. Он вычислил его дальнейшие шаги.

Но не ответить... Стыдно?

– Алло. Комиссар Бланш слушает.

– Здравствуйте, комиссар. Это вас беспокоит доктор Свиндебарн. Не отрываю?

– Нет-нет, прошу вас, продолжайте.

– Да что тут продолжать-то? Могу только поудивляться вашей проницательности. На прощанье, так сказать. И попрощаться. Жаль только сто девяносто двух пассажиров и членов экипажа, находящихся рядом с вами в данную минуту. Нет, мне правда жаль их – я ведь вовсе не бесчувственное чудовище, как вы могли бы вообразить. Я – просто человек с Целью. И ради достижения этой Цели я пойду на всё. На всё! Прощайте!

– Минутку, э-э, доктор, погодите!.. – в трубке пикал отбой.

Комиссар огляделся, подспудно ожидая...

Вот оно!

Поперек салона в его обшивке, буквально в пяти шагах перед ним, вдруг возникла тонкая, волосяная трещина, сразу наполнившая самолет звуком воя, а затем и рева – когда воздух почти рывком вышел из разлома, превратившегося в разрыв.

Передняя половина с крыльями бодро спикировала вниз. Задняя, с комиссаром, еще какое-то время повисела (в лицо били настолько сильные потоки, что комиссар буквально закрыл рот и ноздри руками, чтоб не задохнуться.) в воздухе. Прежде, чем начать бессистемное кувыркание-пикирование

к далекой и невидимой сейчас земле.

Глаза комиссар закрыл. Поэтому падение не видел, а только ощущал! Ощущал – словно летит в лифте с оборвавшимися тросами, а там, внизу – вовсе не бетонное дно, а – он чуял это своим инстинктом, своим изоощренным чутьем! – пучины самого Ада!..

И от этого падение становилось ещё более пугающим!

И чертовски реалистичным...

В гуле и грохоте он во что-то врезался.

В глаза светило солнце – он обнаружил, что кисти судорожно вцепились в подлокотники, почти оторвав один от места крепления...

ТЬфу ты!.. Приснится же такое!

Вытерев платком вспотевший лоб и шею, комиссар потихоньку огляделся: нет, никто на него не смотрит. И хорошо, что Сергей позаботился приобрести билеты и на кресла рядом – он летит без соседей.

Боже! – прости, что поминул всуе! – неужели это – лишь сон?!

Или...

Или этот Зисерманн вовсе не так прост и закомплексован, как подумал он после посещения родины «Гения всех времен»?..

Да, похоже, психологический портрет, который они с генералом...

Имеет значительные упушения!

– Ну, рассказывайте. – после приветствий и рукопожатий комиссару не терпелось перейти к делу. Выспаться он успел в ненавистном самолёте. Хотя «ну его на... такой сон!» – как сказал бы Сергей.

– Да, комиссар. То есть – есть, господин комиссар. – Огюст всё никак не мог справиться с дрожью в голосе, и прекратить нервно потирать руки. Видать – точно, нарыли много!

– Мы исходили, как я уже сказал, из того, что Швейцарский Патент тоже можно... Модифицировать. Вот откуда получилось всего две тонны. А трансформатор – промышленного типа. Масляный. И поскольку такие изделия достаточно редки, дороги, и сложны в изготовлении... Мы подумали, что он просто парочку купит. Деньги, похоже, для него не проблема. – комиссар кивнул, коротко глянув на Огюста. Тот наконец развёл руками над центральным столом операторской, вокруг которого они все и собрались, – Вот!

– Что – вот?

– Вот бланки с заполненными заказами, и его почерк – видите?! Это заполнял не «доктор Свиндебарн», а тот, другой, под фамилией которого он, как мы полагаем, и скрывается теперь. И фамилия эта – Смит. «Оригинально», да?

– Не то слово. Особенно, если учесть, что в телефонном справочнике одного Нью-Йорка этой фамилией занято

восемьдесят страниц, – разочарования в голосе комиссару скрыть не удалось. – Да и не совпадает с той, что у напарника, заявленного в билетах до Канады.

– Ну и что, что не совпадает? Вряд ли у него один паспорт. А что: очень удобно: пока в Канаде – Хеймдалин, пересёк границу – Смит! Покупай, чего хочешь, арендуй, готовься... Словом, мы уже посмотрели! – искрящийся чистой радостью голос не позволял усомниться, что рабочая группа «проявила инициативу» по полной! Но комиссар не стал портить настроение оптимистам, и выдал ожидаемое от него «Ну-ка!» – Арендован на имя Смита У. Александра большой (вот уж чего не ждали!) коттедж на всё лето. В предместьях города Бангор. С двумя гаражами и огромным подвалом-мастерской. А ещё в порт Чикаго с японским контейнеровозом «Фукуока-мару» прибыло карго на ту же фамилию. Правда, пока за ним никто не явился...

– Ладно. Выкладывай уж главное. – комиссар видел, что ещё не всё.

– Ну, как главное... Мы, это...

Нашли его дневник в бардачке второго трейлера.

«В заключение хочу обратиться к тому, кто этот дневник найдёт. Передайте его в руки того, кто занимается этим делом от России, и в России. Скорее всего, это будет кто-то в ранге не ниже генерал-майора. Причём – от ФСБ. Вот и очень хорошо. Я хочу, чтобы с этим дневником познако-

милось как можно больше людей из Тех-Кто-Наделён-Полномочиями. Решать за всю Страну. Чтобы знали, откуда растут ноги. Чтобы поняли, что нельзя равнодушно закрывать глаза на то, что их, якобы, пока не касается. Чтоб не допустили до таких должностей тех, кто тщательно скрывает свои маниакально-садистские наклонности, и различные мистическо-сектантские убеждения. Мне плевать, собственно, какие тесты и проверки будут введены для Воспитателей. Я знаю одно: они должны исключить повторение того, что случилось с нами. *Всеми* нами – в том числе и теми, кто выжил, но остался на всю жизнь моральным уродом, неспособным... Неважно. И, разумеется, теми, кто не выжил. И в память о ком, собственно, я и затеял всё это жестокое свинство. Это Преступление. Да – я не боюсь называть вещи своими именами. И ещё – знайте.

Если этот Дневник не прочтёт Президент, я гарантирую: я уничтожу чёртову Москву со всеми её «достопримечательностями» и Правительством в пятидневный срок после обнаружения этого дневника! И пусть он, Президент, лично объявит об этом по Центральному телевидению, по ОРТ, и первому Российскому каналу, что причина гибели городов обнаружена. И расскажет, кто виновник. И – почему. И предложит меры по недопущению варварского обращения с такими, как мы... Я не прощаюсь.»

– Что необычного случилось при обнаружении дневни-

ка? – комиссар нутром чуял, что Зисерманн уже о находке знает – сам же и подстроил наверняка...

– Ну... Оказалось, что под ним лежал микропередатчик. С фотоэлементом. Похоже, он сработал, когда сапёры изъяли дневник из бардачка. – комиссар сжал челюсти так, что зубы скрипнули.

– Ищите. Ищите ещё документы. Патенты, Авторские свидетельства. Всё, что может помочь двигаться над землёй. Под землёй. Под водой. Так, чтобы пересекать границы и при этом не попадаться на радары! И, конечно, всё, что позволяет... «Добывать полезные ископаемые». И всё, что ещё может воздействовать на недра!

В приёмной Министра комиссар сразу потребовал, чтоб его впустили. Оказалось очень приятно наблюдать, как секретарша тут же щёлкнула селектором:

– Господин министр! К вам мосье комиссар Жюль... И услышать громкое и нервное:

– Проси скорее!

Сегодня, для разнообразия, министр оказался один. Подоровавшись, он сразу жестом предложил комиссару пристесть поближе:

– Прошу, мосье комиссар. Я сразу понял, что у вас что-то срочное!

– Да, пожалуй, это можно так назвать. Дело в том, господин министр, что, насколько я понимаю, у нас сейчас доста-

точно тесные... И близкие отношения с Россией – как в политическом, так и в экономическом плане. И так уж получилось, что мы можем оказать нашему партнёру и союзнику весьма серьёзную услугу. Другое дело, что если мы этого не сделаем – может возникнуть весьма неприятная и для русских, и для всех остальных стран, ситуация... Что мы знали, но не предупредили. Хм.

Да вот: почитайте! – комиссар положил на стол перед чиновником дневник, открытый на последней странице – с обращением Зисерманна. Дословный перевод с русского содержался тут же, во вложенном листе.

Далее комиссару осталось пронаблюдать, как министр читает, и лицо его проходит все оттенки радуги: от мертвенно-белого, до почти фиолетового. И, наконец, как тот потной подрагивающей рукой тянется к Прямому телефону...

– Алло, Сергея Васильевича, пожалуйста. Это комиссар Жюль Бланш.

На этот раз генерала дали в рекордные три секунды.

– Алло, Сергей? Здравствуй. Это неофициальный звонок. Да, спасибо. Нет. Вот по этому поводу и звоню. Мне бы не хотелось, чтобы ты подумал, будто я что-то скрываю, или действую у тебя за спиной. Вот и хорошо... Да. Ну тогда слушай...

На взлётное поле комиссар вышел сам, уже без провожа-

ющих. Двигаясь к трапу, буквально чувствовал, как спину сверлят взгляды. Не слишком доброжелательные – если он успешно (а шансы вдруг появились!) завершит операцию, придётся и в самом деле раскошелиться на ленту Ордена Почётного Легиона!

«Линксы» и «Чинук» остались сиротливо стоять в стороне, невостребованные. У трапа его встретили чётким салютом пилот и помощник. Пилот представился:

– Командир экипажа, капитан Этьен Рибери. – жест рукой, – Штурман Паоло Дженоа. – комиссар вежливо поздоровался с обоими, чуть кивнув:

– Комиссар Жюль Бланш, Советник по вопросам безопасности.

Поднявшись на борт, и проводив взглядом капитана, тут же ушедшего в рубку, и штурмана, мгновенно закрывшего люк с трапом и ушедшего туда же, не забыв приветливым жестом обвести салон, и сказать: «Располагайтесь, как вам удобно», комиссар подивился: небольшой снаружи и изящный, словно призовой скакун благородных кровей, «Гольфстрим – 3» внутри поражал богатством изысканного интерьера! Шикарные, явно из элитных салонов мебели, диваны и кресла. Столешницы журнальных и рабочих столов из настоящего ореха, позолоченные ножки и накладки... Ну прямо «Мерседес-Майбах», шикарный представительский транспорт для Руководящих работников и богачей... Только салон уж побольше автомобильного.

Комиссар подумал, что отправляя его в Штаты на таком красавце, Правительство точно хочет, чтобы с ним и его мнением считались – не каждому выделяют самолёт класса «люкс».

Реактивная машина взлетела буквально после двухсот метров разбега. Комиссар, невыспавшийся и голодный, презрев красоты и удобства, полез в холодильник, и достал бутылочку минеральной воды. Чёрт с ней – едой и телевизором во всю стену! Нужно многое обдумать...

Так, с бутылкой в руке, он и заснул.

Разбудил его помощник пилота:

– Господин комиссар! Мы прибыли! Авиабаза ВВС Дэнвера!

Со встречающим его майором авиации комиссар просто поздоровался. После чего перелез в поджидавший их «Хьюи», и сжав зубы, терпел болтанку и тряску более часа, пока летели до аэропорта Бангора. Вот уж из огня – да в полымя! После роскоши – да в...

После посадки его встретил человек в нашивках лейтенанта – он оказался водителем. Откозыряв, предложил комиссару сесть в броневик. «Хамви» после армейского вертолёта показался почти лимузином. И комиссар стойко вытерпел ещё двадцать минут, пока резвая, словно «Феррари», и устойчивая на поворотах машина везла его в пригород, где располагалась временная контора АНБ.

Там он познакомился с двумя джентльменами в неизменных строгих серых костюмах и чёрных надраенных туфлях: специальным агентом Стэнли Смитом (вот уж совпадение! Или – нет?), на лице которого застыло то же бездумное спокойствие, что и у одноимённого персонажа из фильма «Матрица», и агентом Гарри Роджерсом. Этот пока был похож на обычного человека. Скорее всего, служит недолго – ещё не притёрся, и не приобрёл. Маски «спецагента».

Комиссар отлично помнил, что ему сказал при прощании Министр обороны:

– Господин комиссар... Американцы – нам *не* союзники.

Однако прошедшие переговоры на самом высшем уровне... И интересы их Национальной безопасности ставят вас в особое положение. Операция по собственно захвату Зисерманна будет проходить под юрисдикцией Американского Правительства. Ребята из АНБ вам, конечно, непосредственно не подчинены... Но – в ранге нашего официального Советника по Безопасности, примерно соответствующему их Генералу, вы можете давать им... Советы. Надеюсь, вам вполне понятна определённая... Щекотливость ситуации вообще, и вашего положения в частности?..

Да, «щекотливость его положения» ему вполне понятна.

– Господин комиссар, сэр... нам поручено встретить вас, и... Хм-м... Воспользоваться в случае необходимости информацией, которая может облегчить задержание преступника. Нам разъяснили также, что мы должны «прислуши-

ваться к вашим советам». – ироничный взор исподлобья и выделенная интонацией фраза показали комиссару, что на самом деле думает, не меньше, чем полковник, о «советах» какого-то там комиссара-французишки. Пусть и Советника.

Однако комиссар промолчал, ожидая продолжения. Не совсем же этот «спецагент» идиот – не захочет зря жертвовать людьми... Так как пока «спецификой ситуации» не владеет. И знает это. А комиссар – владеет. Значит, кто-то там, на самом верху, нажал на нужные рычаги, убедив даже АНБ прислушиваться. К нему. Время не терпит. Страна в опасности. Вашингтон и Нью-Йорк могут стать жертвами очередной атаки...

Значит, можно попридержать гонор, и «проглотить» досадную помеху-обузу в виде «комиссара».

– Итак, господин комиссар... Что вы можете нам... «Посоветовать»?

– Посоветовать столь компетентной и могучей организации как ваша, как мне представляется, я могу весьма мало, – недобрые переглядыванья агента и спецагента! – Однако кое-что всё же могу... Спецагент Смит! Сколько людей вы можете собрать сюда в течении скажем... часа?

– Хм-м... Пять штатных агентов АНБ, и взвод морской пехоты вас устроит?

– Может, удастся собрать хотя бы два взвода? – отрицательные покачивания головами. Чёрт бы подрал самоуверен-

ных америкосов... Бог с ними.

– Прошу вас – задействуйте их всех! – комиссар сразу понял, что его принимают за обычного полицейского перестраховщика. Однако не счёл нужным пойти на попятную, – Дайте указания вашим людям, чтобы были чертовски осторожны! Преступник, как вы его назвали, очень опасен. И вооружён *такими* средствами защиты, о которых мы можем сейчас и не подозревать. Поэтому будет лучше, если человек десять – то есть, отделение! – будут осуществлять сам захват, а ещё... Скажем, остальные человек двадцать будут в резерве. То есть – в оцеплении. Страховать.

И, ни в коем случае – не приближаться к дому без команды.

Карту, будьте добры.

Комиссар видел карту, разложенную на столе в соседней комнате, похожей на диспетчерскую – с мониторами, пультами и столами. И сидящими за ними сотрудниками.

Агент Роджерс принёс просимое, и разложил перед комиссаром. Быстро сориентировавшись, Бланш указал пальцем:

– Вот! Здесь находится арендованный дом. Предлагаю расположить ваших людей по всему периметру, но – не ближе полукилометра. Начать штурм лучше сразу после наступления темноты. Перед самым началом операции нужно отключить дом от энергоснабжения. Я очень надеюсь, что он ещё не успел... Не успеет подключить свою систему оборо-

ны к аккумуляторам!

Комиссар высказал ещё несколько «предложений» о наилучших, с его точки зрения, способах проведения операции. Он видел, как агент и спецагент вздыхали, морщили носы, переглядывались, почти не скрывая скепсиса, и чуть презрительно поджимали губы. Однако он решил выложить всё, чтобы его начальство убедилось, что он «добровольно сотрудничал, и поделился информацией», даже на тот случай, если его указания окажутся неприемлемы для «самых умных, опытных, и умелых». О том, что он снабжён микрозаписывающей аппаратурой, комиссар умолчал – подстраховочка в виде аудиозаписи, как в чёрных ящиках самолётов, не помешает. Вернее, наоборот – она-то и спасёт его в случае провала Операции чёртовыми самовлюблёнными болванами из АНБ, или ЦРУ, если те пожелают сделать всё по-своему...

Однако в том, что АНБ всё же на что-то годится, комиссар понял, когда его провели и усадили на свободное кресло в соседнем кабинете – временном КП-диспетчерской. Во всяком случае, все необходимые команды непосредственно своим подчинённым, и морпехам спецагент раздал оперативно, и без излишних слов. Хоть и не совсем так, как предлагал консультант...

На огромных мониторах слежения отлично просматривался дом и его окрестности в радиусе, пожалуй, побольше мили. Все казалось спокойным.

Комиссару предложили кофе. Он с благодарностью кивнул, взяв чашку, однако быстро убедился, что кофе здесь называют тепловатую бурду с запахом не то клевера, не то – овса, да ещё с сахаром и молоком.

Стемнело очень быстро. Беспилотники, транслирующие на мониторы картинку пустоши и самого дома, переключили камеры на режим ночного видения.

– Начинаем. Время выхода на исходные позиции – двадцать один пятьдесят. – спецагент поправил бронежилет на рубашке, (пиджаки сотрудники АНБ всё же сняли. Комиссар констатировал, что фигуры у всех – не хуже, чем у него: плотные, накачанные) и вторично обратился к комиссару, – Может всё же воспользуетесь? – постучав по кевлару и на грудной стальной пластине.

– Благодарю. Что-то мне подсказывает, что жилеты не понадобятся... Может быть, всё же пошлём вперёд только несколько бойцов, а остальные... – комиссар чувствовал, что в доме их поджидает опасность, против которой бессильны кевлар и сталь...

– Нет. Практика проведения подобных операций однозначно доказывает: чем больше человек участвует в штурме, тем скорее происходит захват, и тем меньше ненужных потерь. – апломб, с которым это было сказано, не изменил сосредоточенности комиссара, и даже не обидел его. Он – в чужой стране. С чужими порядками и традициями. Хочет-

ся АНБ выпендриться перед ним – пусть. Выпендрится. Он промолчал, кивнув.

– Прошу вас, комиссар. Если, вы, конечно, всё ещё хотите принять участие и в непосредственно полевой операции... – комиссар не заставил себя приглашать дважды, пусть и слегка ироничным тоном. Прошёл и уселся в очередной «Хамви», присоединившись к команде из мрачного сержанта и ещё трёх морпехов в чёрных масках, и с разрисованными ваксой а-ля Шварценеггер, лицами. Сержант молча предложил коробочку с вонючей чёрной массой и ему.

Комиссар отказался.

И подумал, что он в своём лучшем чёрном костюме смотрится в таком окружении нелепо – словно порнозвезда в миниюбке и сетчатых колготках на съезде чопорных пуританок. Или – монашек.

До места добрались минут за двадцать – по хорошему шоссе. После чего по ухабам и бездорожью низких гряд холмов пробирались ещё минут пять. Наушник в ухе сержанта ожил, и что-то пролаял. Тот отреагировал:

– Выдвигаемся сразу, и оцепляем дом. Направление – северо-северо-восток!

Спецназовцы и сержант нацепили на глаза огромные уродливые тубусы приборов ночного видения. Комиссару достался инфрабинокль. Неудобно, но видно неплохо.

Оружие бойцов не гремело – в этом комиссар убедился, пока они бежали добрый километр по бездорожью, ориен-

тируясь по компасу сержанта, и смутно видневшимся в приборы тёмным фигурам, бегущим параллельно по радиусам, сходявшимся у темнеющей громады двухэтажного дома посреди луга. Комиссар порадовался выучке морпехов – не шуршала высокая сухая трава, достигавшая колена, и даже крохотного лучика ниоткуда не отблёскивало... Впрочем, не шуметь удавалось легко: шумело и тарахтело там, возле дома – комиссар мог бы поспорить, что это стучит движок автономного генератора в сарайчике у чего-то вроде конюшни. Или коровника. Это напрягало – поскольку ни света в окнах, ни следов автомашины в гараже не наблюдалось. Метров за двести от дома комиссар начал замедлять бег. Затем и вовсе остановился. Морпехи не обратили на это внимания – лишь сержант коротко кинул взгляд через плечо один раз... Жаль ребят.

Живыми после этого комиссар их уже не увидел.

Потому что когда до дома оставалось не больше пятидесяти метров, вдруг раздался вскрик, затем ещё один, и местоположения всех солдат обозначилось слепящим сиянием – словно каждый боец вдруг стал нитью накаливания прожектора, на пару секунд вспыхнувшего сине-белым ореолом, и тут же перегоревшего!..

Донёсся стук – на землю попадали обгоревшие скрюченные тела. Запахло горелой плотью – самый мерзкий запах из всех, которые знал комиссар, но с которым иногда сталкивался, расследуя изуверские и необычные случаи... Но при-

шлось сдерживать посылы к рвоте – дело ещё не кончено.

Он рысцой вернулся к бронемашине, и, покопавшись, открыл багажное отделение. Ага – есть! «Классика» жанра.

Бабука.

Он направился снова к дому. Двигался Бланш теперь не скрываясь, спокойно. За сто шагов аккуратно выставил планку прицела на нужную дистанцию, и плавно, как на учениях, нажал на спуск. Сарайчик словно взбух огненным шаром изнутри – гроыхнуло, и доски разлетелись по всему лугу. Одна даже просвистела возле уха комиссара, обдав обжигающей воздушной струёй.

Тотчас же ещё в трёх местах луга что-то взорвалось, рассыпая во все стороны красно-жёлтые искры.

Красиво. Словно китайские фейерверки, подумалось вдруг комиссару. Однако жаль людей. Они не виноваты, что начальники – тупые самовлюблённые бараны.

Гул от взрыва затих. Стук мотора прекратился. Зато слышались крики. Комиссар потряс головой, открыл рот – в ухе перестало звенеть. Зато теперь стало отлично слышно, как изощрённо ругается спецагент Смит, раздавая «ценные» указания.

Комиссар проигнорировал приказ «всем оставаться на местах, пока я не выясню, какой кретин нарушил режим секретности!», и спокойно преодолел оставшиеся метры до домика. Постучал в парадное. Никто не отозвался, зато выкрики и ругань сразу стихли. Он вошёл – дверь оказа-

лась незаперта. Щёлкнул выключателем – а, ну да – сам же предложил питание отрезать! Пришлось идти до гостиной по прибору бинокля. Записка ждала прямо на столе.

Пришлось выйти и крикнуть спецагенту Смигу, чтоб шёл прямо к дому, так как опасности больше нет.

«Уважаемые бойцы спецназа! Приношу самые искренние извинения за то, что пришлось вас убить! Однако миссия, которую я взял на себя, должна быть выполнена любой ценой. Поэтому я жду соответствующего Заявления Российского Президента не позднее полудня послезавтрашнего дня! (Время – Московское) Иначе пострадают невинные люди, и три больших красивых города. По моему выбору.

P.S. Не трудитесь искать меня на этом континенте. Впрочем, как и помощника – он тоже уже далеко. А я буду там, где должен быть. Александр Зисерманн.»

– Мерзавец! Что это было? – тон уже никак нельзя было назвать равнодушным, в нём клокотала ярость и ненависть. – *Что* он использовал против нас?! – фонарик в руке спецагента прыгал, перескакивая то на записку, то на двоих оставшихся в живых агентов, окруживших комиссара. Их бледно-зелёные лица комиссар списал на... волнение.

– Не знаю. Нет, я правда не знаю. – комиссар был вынужден вытирать всё время обильно выступавший пот со лба уже насквозь мокрым платком. Несмотря на ночь, было очень

душно и влажно, – Но как я и говорил – он очень умён. (Про себя комиссар подумал, что море черного юмора делает их врага ещё опасней...) Если сможете восстановить те приборы, что взорвались так красиво, будет у вашей страны новое «супероружие»...

Спецагент молчал как-то уж очень долго, очевидно, переваривая эту немудрёную мысль. Затем поднял переговорное устройство ко рту:

– Внимание! Говорит спецагент Смит. У нас потери. Объекта здесь не было. Дом оказался ловушкой. Код опасности – красный. Повторяю – код красный! И ещё... Срочно пришлите бригаду экспертов. Что искать, я объясню.

Дебилы – устало подумал комиссар. Самовлюблённые избалованные дебилы, упивающиеся хвалёным «технологическим превосходством». На территории которых сто пятьдесят лет не было войны. И небоскрёбы-близнецы ничему вас так и не научили...

Обратно во Францию его доставил почти родной «Гольфстрим». Пилот и штурман улыбались, как два балбеса – видеть, не надеялся увидеть комиссара живым... Он и сам немного удивлялся. Тому, что остался жив.

Уж теперь-то комиссар воспользовался и креслом у телевизора, и диваном, и холодильником с деликатесами... Странно – икра в обычной стеклянной банке у Сергея Васильевича оказалась куда вкуснее этой – из красивых малень-

ких баночек.

Чтобы переговорить с Министром финансов, пришлось снова проследовать мимо сердито надувшей губки мадам Альянс.

– Прошу вас, комиссар! – небывалый случай! Министр даже чуть приподнял казённый зад из кожаного кресла! Видать, слухи сильно исказили. И он – в фаворе! Ну как же – он честно «предупредил»! А заносчивые америкосы сделали «по-своему»! Ну вот и сели в лужу!

Для министра это – победа. Его «специалист» оказался прав! Хорошо и для предвыборной гонки... Хотя – радоваться рано. Зисерманн не пойман.

– Я конечно, уже в курсе... Но всё же будет лучше, если вы, мосье комиссар, расскажете лично... И предоставите аудиозапись.

– Алло, Сергей? Да, снова я. Что? Америкосы? Полюю тебе бальзаму на национальное самосознание: облажались по полной... Жалко только тридцать ни в чём не повинных ребят. Н-нет... Да, я думаю, он должен быть у вас. И объект – всё же Москва.

В бункере на глубине восьмидесяти метров комиссар теперь чувствовал себя почти как дома. Даже воздух не казался больше сырым и спёртым. Совещание проводили снова, как в первый раз, в большой аппаратной.

Первым комиссар попросил высказаться руководителя первой группы, Мориса Ламарша. Тот выглядел довольным – похоже, что-то откопал, подтверждающее его версию:

– Мосье комиссар, мы, как нам кажется, нашли. Правда, не совсем то, на что рассчитывали... Программа нашего уважаемого Магнетто – кивок с адрес хакера группы, скромно потупившего глаза за стёклами сильных очков – позволила отследить все документы, где проходила фотография нашего фигуранта и его предполагаемого напарника. Бороды, очки, усы и прочие ухищрения не могут скрыть форму черепа... – комиссар знал и работал с такими программами. Надёжнейшие из них стояли во всех аэропортах. Поэтому просто кивнул, ожидая продолжения.

– Мы выявили ещё пять (!) фамилий, под которыми они скрывались, перемещались, и приобретали недвижимость. В США, Швейцарии, и европейских странах. Так, очень показательно, что незадолго до катастрофы кто-то из них продал принадлежавшую одному из фигурантов виллу в Канне... А ещё очень похоже, что мосье Зисерманн собрался после окончания «работы» отсидеться в Дании – он приобрёл там хорошенький коттедж. Но для дела...

Два года назад он приобрёл небольшой дом под Вашингтоном. Это – раз. И ещё – дачу в Крылатском. В подмосковьи. Это – два. И, наконец, он приобрёл ферму в Новой Зеландии. Очевидно, для отвода глаз – она оформлена на его фамилию Смит... Это – три.

– Поправлю вас, мосье Морис. Это – уже четыре. Если считать с Датской виллой.

– Ой. Извините – точно! Я немного просчитался...

– Для чего же он использовал пятый паспорт?

– Похоже, пока ни для чего. Вероятно – это его подстроговочка.

И он хочет, чтобы эти документы не были нигде засвечены. Получены они, кстати, на имя Турдыматова Алибека Эргашевича, и выданы в Казахстане... Правда, вот там он, вроде бы, ничего не покупал.

– Хм-м... Интересно. Хорошо, благодарю, мосье Морис. Мадемуазель Женевьева?..

Она встала, и неторопливо подошла к большому экрану. На нём появилось изображение документа. Некоторые линии светились голубым, другие оставались чёрными. Много было нарисовано явно от руки, и сокращённые пояснения явно написаны по-русски. «3 кВт... Градиент... Геркон... из иридия... Бар...» Комиссар сдался – слишком специфично и путано.

– Это – черновик рабочего чертежа. Явно – не для Патентного ведомства. По нему и строились... Излучатели! Случайно – впрочем, вернее, после кропотливейшего обыска! – мы нашли его в подвале его дома здесь, во Франции. Он не скрываясь жил последние пять лет в Лионе, причём под своей основной фамилией – Свиндебарн. В подвале оборудована отличная мастерская. Однако сейчас аппаратура вы-

ключена, и по данным экспертизы простаивает более месяца. Материалы, чертежи, и то, что там собирали, вывезено. Этот лист нашли случайно – он провалился под настил пола, сквозь щель, и, кажется, Зисерманн о нём не знает.

Это чертёж рабочего органа – излучателя.

Дальше пошло вполне научнообразное описание того, что изображено, и изложение домыслов о том, как оно работает. Комиссар, чуть не сломавший челюсть, тщательно сдерживая зевоту, с трудом дождался окончания речи, к концу которой мадемуазель Жюстина напротив, буквально лучилась энтузиазмом:

– ...это позволяет нам надеяться в ближайшие же месяцы воссоздать агрегат доктора! Ну... Может, и не всё получится с первого раза – но путь теперь виден чётко!

– Мадемуазель. Я благодарю вас за отличную работу. Не сомневаюсь, что вашим экспертам-технологам и рабочим мастерской Института теперь работа обеспечена на несколько лет вперёд... Меня интересует другой вопрос. Вы думали над тем, что строительство нашей страной такого *работающего* агрегата может... Сильно изменить расклад сил в мире, и вызвать новый виток гонки вооружений? – комиссар говорил нарочито ровным и тихим голосом.

– Н-нет, мосье комиссар. – видно было, что она слегка растерялась. Но тут же нашла контраргумент. – Зато мы считаем, что новый виток гонке вооружений дал сам Зисерманн, применив своё ужасное оружие. И теперь американцы, рус-

ские, китайцы, да и все остальные, начнут срочно изобретать и сооружать что-то этакое! Не вижу ничего плохого, если мы подсуетимся, и воспользуемся тем, что оказалось у нас в руках!

– Ваша позиция мне вполне понятна, мадемуазель Жене-вьева. Благодарю. С излучателем более-менее ясно. Теперь вы, мосье Огюст.

Мосье Огюст не выглядел оптимистично. И жизнерадостность тоже не была из него ключом, как из предыдущих докладчиков. Напротив, он говорил весьма сдержанно. Почти так же, как предпочитал говорить и сам комиссар:

– Мы с Себастианом внимательно изучили его дневник. Да, очень внимательно. Мы консультировались с психоаналитиками и психиатрами. Мы... Потрясены. Потрясены, я имею в виду, теми мучениями и унижениями, что достались на долю этого воспитанника... Да и всех остальных, кого он там, в дневнике, упоминает. Доктрина «просветления через телесные муки», применялась, разумеется, и... Раньше. Но эти люди, воспитатели, в-смысле, похоже... Сумели совместить опыт и «святой» инквизиции, и гестапо, и бендеровцев. И... кое-что додумали сами.

То, что Зисерманн сохранил человеческий облик, и изобрёл столько... Всего... Вызывает подлинное восхищение. Сильная натура. Но... Хм-м.

Как нам кажется, всё же от столь изошрённых пыток и промывки мозгов психика не могла не пострадать, что

и сказывается теперь на его... Действиях. Пожалуй, к нему не применимы мерки, с какими можно подойти к сознанию и подсознанию обычного человека. Не хочу, разумеется, сказать, что он имел моральное право на убийство более полутора миллионов ни в чём не повинных людей... Но его стремление привлечь внимание, как он её называет, «Общественности», к фактам жестокого обращения с детьми в воспитательных заведениях нам более чем понятно!

Поэтому мы с Себастианом, – они с напарником вновь переглянулись, – Просим, если только это возможно, сохранить ему жизнь, когда его поймают, передать куда-нибудь на лечение, и...

И снять нас с этого дела!

Комиссар чего-то такого и ждал. Он видел с самого начала, что коробящие душу подробности слишком сильно влияют на «семейную пару». Надрыв ощущался буквально физически. Нет, такие вряд ли когда смогли бы... Хотя бы выдержать, не сломавшись, то, через что прошёл Зисерманн и его товарищи по несчастью... Слишком интеллигентно-изысканные, тонкие и чувствительные, натуры.

Но своё дело они сделали. Честно, вполне квалифицированно, и профессионально.

– Хорошо, мосье Огюст и мосье Себастиан. С вашей частью работы вы справились блестяще. Благодарю. Можете вернуться к основным занятиям. Подайте официальный рапорт на имя И.О. директора, я подпишу его. Ещё раз спаси-

бо за... Добросовестную работу.

– Ну как вы там, Сергей? Мне передали, что ты звонил. Поймали?

– Да. Поймали. Не поверишь: возле озера Байкал. Кажется, воспользовался границей с Монголией, и банальным шаром-прыгунцом... Сейчас его на стратегическом бомбардировщике везут сюда.

– Отлично. Перезвони, пожалуйста, как только что-то конкретное выяснишь!

Комиссар после звонка в Москву ощущал некую внутреннюю неудовлетворённость. И сейчас, лёжа на диванчике в закутке диспетчерской всё пытался разобраться – почему он её ощущает...

Что-то здесь не так.

Нельзя было Зиссерманна вот так, запросто, поймать!

Ладно, отбросим предвзятость и то, что думал до сих пор, и попробуем рассуждать практично и трезво. Так, как, несмотря на все раскладки Огюста и Себастиана, рассуждал бы сам Зиссерманн.

Во-первых – имеется дом под Вашингтоном. Во-вторых... Во-вторых имеется записка от самого Зиссерманна, утверждающая, что его самого нет в США... И что напарника его им не поймать.

Комиссар вскочил, почувствовав, как холодная стальная

рука сжала сердце. Никакого напарника не было! Никто, кроме самого Зисерманна, не смог бы расставить ту ловушку, в которой сгорело тридцать отличных парней! Значит... Он с самого начала планировал снять подставной дом за несколько дней до, якобы, операции, пустить их дедуктивные усилия по следу карго, и создать полное впечатление, что основной, главный удар, нанесёт вначале в России...

Нужно срочно лететь. В США. Но перед этим...

– Алло, будьте добры мистера Смита... Его французский коллега, комиссар Жюль Бланш, он знает. Да, я подожду. – ждать пришлось не больше двух минут. А ведь в США сейчас четыре утра... Значит, сильно «зауважали». – Здравствуйте, спецгент. Спасибо. Да, случилось. Я хочу попросить вас прекратить «осторожную слежку» за карго в портовом складе.

Напротив, я хочу, чтобы вы немедленно – слышите? – не мешкая ни минуты, вскрыли все три ящика! И срочно перезвонили мне на этот номер! Что? Нет, я не сошёл с ума. Нет. Да, если я прошу сделать это, значит есть причины. *Веские* причины. Словом, если вы там найдёте хоть что-то, кроме битых кирпичей, опилок и старой рухляди, я обязуюсь съесть свою шляпу. В вашем присутствии.

«Гольфстрим-3» опустился на аэродром Денверской базы уже ближе к полудню. Сегодня залезая в «Хьюи», комиссар

отметил, что встречает его майор, и отдаёт ему честь чётко, как на параде, хотя комиссар, как всегда, в штатском...

Человек, сидевший перед генералом... Производил впечатление. Мощный торс. Плечи и бицепсы, подошли бы, скорее, штангисту на покое, чем гениальному учёному. Кисти... Сильные. Но пальцы – длинные и явно искусные. Да, такие одинаково легко собрали бы и микроскоп, и бульдозер.

Лицо открытое, челюсть вовсе не так массивна, как любят показывать в боевиках у злодеев и маньяков. Борода... Нисколько впечатления не портила. Портил Зисерманна взгляд стальных глаз – внимательный, умный и...

Непреклонный.

Да, именно это и делало сидящего через стол человека столь неприятным – несгибаемая непреклонность во взгляде, и где-то глубоко-глубоко внутри сидящее, похоже, навечно впечатанное в подсознание, ощущение собственной хронической правоты...

Генерал поразился, что на его собеседнике наручники. Поняв, что игра в «кто кого переглядит» ничего ему не даст, он спросил:

– Ваши настоящие имя и фамилия.

Человек напротив позволил себе криво ухмыльнуться:

– Зисерманн Александр Александрович.

– Где и когда родились?

– В Ростове-на-Дону, в 19... году.

– Родители?

– Мать неизвестна. Отец неизвестен. В возрасте полутора лет в Детский Дом номер двадцать два меня сдал Зисерман Александр Моисеевич.

– Кто он вам?

– Понятия не имею.

– Но вас записали на его фамилию?

– Да.

– Почему?

– Вероятно, у того, кто записывал, возникло такое желание.

Конечно, у генерала были все необходимые данные, и он знал, что сдавший юного Александра в детдом записан как «нашедший его подброшенным на опушке леса, куда он пошёл по грибы», и читал все милицейские протоколы и акты, но...

Близко не похож этот гений на лысого и толстого интеллигента в пятом колене Александра Моисеевича. Зисерманна. Тупик.

– Почему вы решили уничтожить три крупных города?

– Об этом достаточно подробно написано в моём дневнике. Вы ведь читали его? – полувопрос-полуутверждение.

– Да. Читал. Тем не менее, я хотел бы услышать об этом непосредственно от вас.

– Хм. Интересная позиция. А что она вам даст, даже если я расскажу? Составляете мой психосоматический портрет?

Пытаетесь «глубже проникнуть в тёмные дебри моего извращённого сознания»?

– Не паясничайте. Отвечайте.

– «Отвечайте» – крепкий мужчина в наручниках передразнил тон генерала. Поёрзал на стальном, привинченном к полу, стуле, покрутил головой, опутанной электродами и проводами, – И не подумаю. Зато скажу вам вот что: то, что вы меня схватили, отнюдь не помешает моему сообщнику уничтожить всю эту чёртову Москву, если в положенное время – если не ошибаюсь, через три часа! – не выступит по телевизору господин ...тин! Так же, как никто не помешал мне отправить в ад и остальные города! А будем ли мы с вами находиться в это время здесь, в подвалах ФСБ, или эвакуируемся, никакого значения не имеет. Значение имеет только обращение Президента в назначенный мной час!.. – ровные линии на экране показали, что это правда. Во всяком случае, таковой её считает человек, сидящий перед генералом.

Леонид Аркадьевич Сёмушкин уселся перед телевизором. Включил Первый канал. И стал терпеливо ждать – до назначенного часа осталось сорок минут. Коробочку с кнопкой он положил перед собой на журнальный столик.

– ...так вы признаёте, что деньги получали путём шантажа?

– Конечно, товарищ генерал. Глупо было бы отпираться. Надеюсь, тем, что «подоил» швейцарских банкиров, я не «нанёс политического и морального ущерба» своей Родине? Тем более, что тогда я использовал фамилию Абу Малик. – наигранный цинизм и ирония уже сидели у генерала в печёнках. Впрочем, взглянув ещё раз на линии энцефалограммы, бегущие перед ним по экрану, он решился:

– Как звали вашу девушку в институте? – а вот этого вопроса человек напротив не ждал. После секундного колебания всё же ответил:

– Наташа. А что?

– Что вы сделали с её котом?

– Хм-м... Ну, предположим, сварил в кипятке!

– А как его звали?

После отлично различимого на энцефалограмме замешательства в виде всплесков ровных до этого линий, последовал ответ:

– Сейчас точно не вспомню. Кажется, Василий.

Генерал про себя ухмыльнулся. Вслух же сказал:

– Ошибочка, господин двойник. Это только американцы называют котов человеческими именами. А теперь поговорим серьёзно, господин Роджер Эффорд. Сколько он вам посулил?..

Как ни странно, ответ последовал почти сразу, и ответ, если верить полиграфу, правдивый:

– Пять миллионов. В американских долларах. Конечно,

вперёд – только миллион, остальные – когда отсижу.

Да, похоже на правду, подумал генерал. Больше пяти лет за нелегальное пересечение границы сейчас никто не даст... И то – придётся экстрадировать в страну гражданства. В Швейцарию. Где *такого* сообщником могут признать... А могут и не признать.

Проклятый Официальный Запрос, хоть и на имя Свиндебарна, каковые документы и имел при себе двойник, уже пришёл по линии МИД-а. А жаль – генерал с удовольствием сгноил бы человека, отнявшего у них столько драгоценного времени, в рудниках Колымы...

Хотя бы за то, что занял столько драгоценного времени. И нажимал три раза на роковую кнопку.

– Вы... уверены, что вы этого хотите?! – сомнения в тоне и взгляде спецагента были неприкрытыми. Правда, теперь иронией и скепсисом и не пахло. Скорее, боязнью. За него.

Смит, тем не менее, удерживался от того, чтобы запрещать комиссару что-либо.

– Да. Совершенно уверен. И ещё: я прошу, чтобы нам не мешали. Прикрытие не понадобится. Отзовите снайперов.

– Ну... М-м... Хорошо. – комиссар буквально слышал, как внутри аккуратно подстриженного черепа ворочаются шестерёнки законсервированного и стандартизированного мышления, – На вашу ответственность.

Комиссар только кивнул.

Затем неторопливо, только что не насвистывая, стал спускаться по цветущей лужайке к маленькому аккуратному домику, направляясь к парадному входу.

Полуденное солнце и иногда пролетавшие пчёлки придавали лугу с полевыми цветочками, деревьям, и сонным холмам и лощинам неправдоподобно идиллический, спокойный и мирный вид.

Вот он и дошёл до наполовину застеклённой двери под навесом крыльца. Ничего не случилось. Мысленно переведя дух, комиссар постучал. Спустя полминуты дверь распахнулась.

Зисерманн вовсе не выглядел грозно или насторожено. Скорее, удовлетворённо и приветливо.

– Чем обязан? – бровь вопросительно приподнята, но комиссар видел там, в глубине умных серых глаз, что хозяин отлично знает цель его визита.

– Вы – Зисерманн Александр Александрович?

– Да. Слушаю вас.

– Я комиссар Жюль Бланш. Франция. Веду следствие по делу об уничтожении трёх крупных европейских городов. Не могли бы мы поговорить?

– Почему бы и нет? Входите.

– Зисерманн отошёл вглубь, приглашая комиссара пройти в коридор, и когда тот вошёл, закрыл дверь. Затем они перешли в гостиную, занимавшую почти весь первый этаж. Ко-

миссар оглядел угол, выделенный под кухню, барную стойку, тумбы перед ней, большой телевизор и удобную мягкую мебель.

Хозяин, не скрываясь, иронично улыбался, наблюдая за ним. Когда взор комиссара вернулся к холодильнику, сказал:

– Я ничего не менял в планировке. Так что вы можете получить неверное представление о моём характере. Прошу – присаживайтесь.

Комиссар так и сделал, опустившись в угол большого дивана.

– Будете сок?

– Да, спасибо.

– Апельсиновый? Вишнёвый? Ананас?

– Апельсиновый, если не трудно.

Пока хозяин открывал холодильник, вскрывал коробку с соком и наполнял два высоких стакана, комиссар подумал, что они совсем как два норовистых молодых петуха – оттягивают момент схватки, пытаясь друг друга если не запугать, то хотя бы продемонстрировать уверенность в своих силах. И аргументах.

– Итак, слушаю вас. – хозяин, поставив два стакана на журнальный столик, так, чтобы можно было легко дотянуться, присел на тот же диван – пружины под ним протестующее скрипнули – и сложил руки на коленях в замок. Хм, не иначе, как играл в волейбол. Впрочем, вряд ли долго –

слишком широкая кость, и массивный торс. Комиссару почему-то подумалось, схватись они действительно врукопашную, у него, несмотря на всю силу и годы тренировок, не было бы ни единого шанса...

– Александр. Признаёте ли вы себя виновным в уничтожении этих городов?

– Да, я их уничтожил. – вот даже как. Зисерманн не сделал и попытки поводить его за нос, или походить вокруг да около. Прямой ответ на прямой вопрос. Достойный противник. Впрочем, это комиссар знал и так. Может, продолжить и дальше в том же духе?

– Вы планируете теперь уничтожить Нью-Йорк?

– Нет. Вы правильно подумали: слишком много бессмысленных, – слово «бессмысленных» Александр как бы подчеркнул, – жертв. Следующим у меня запланирован Вашингтон. Я предполагаю, что от уничтожения пары тысяч продажных и беспринципных политиканов любая страна только выиграет. Видите: я работаю на благо народа США...

– А то, что при этом погибнет более двухсот тысяч...

– «...ни в чём не повинных» клерков и секретарш, несколько моей решимости не ослабляет! – весьма вежливо, словно объясняя, сколь полезна для здоровья предлагаемая отказывающемуся неразумному дитяте, капсула с витаминами, закончил учёный.

Комиссар помолчал. Да, он ожидал от Зисерманна циничности и беспринципности... (Или, скорее, принципов, чуж-

дых обычному человеку!) Но остановить его нужно.

– Скажите, Александр... Вы уничтожите Вашингтон в любом случае? Или... если Российский Президент выступит с обращением, возможно всё остановить?

– Нет, господин комиссар. Машина, как это говорят, запущена. Аппараты установлены. Даже моя смерть не поможет вам предотвратить уничтожение Вашингтона. А следом будет уничтожена и Москва. Конечно, только в том случае, если Российский Президент не выступит...

– Но... Вы как-то можете остановить уничтожение городов?

– Нет. Повторяю: что живой, что мёртвый... Я уже на это никак не повлияю. Машина запущена.

– Боюсь, разочарую вас. Ваш сообщник-двойник в России схвачен.

– А-а, это тот, что пробрался через Монгольскую границу? Он – просто подсадная утка. Как и другой, приплывший через японское море на модифицированной торпедо. Они знают, на что идут, чем рискуют. Они согласились из-за... – Зисерман потёр пальцами в известном жесте, – денег. И мои соратники по интернату ни при чём, на случай, если вы думаете, что они – сообщники.

Нет, я просто заплатил, и посулил ещё деньги, и двое людей, самых обычных россиян, коренных, так сказать, жителей, будут ждать у хронометров назначенного часа, и в нужный момент нажмут кнопки. Кстати, они совершен-

но не в курсе... Потому что кнопки работают только в том случае, если свою нажмёт третий человек, сидящий сейчас перед телевизором.

Комиссар ощутил странную раздвоенность.

С одной стороны он знал, что сейчас люди, прослушивающие их разговор, отдадут Приказы, и начнётся операция по экстренной эвакуации Вашингтона, с неизбежной паникой и суетой. С другой – не мог не поразиться научному и организаторскому таланту своего собеседника. Звучит слишком правдиво – за деньги можно нанять кого угодно, чтобы нажать всё, что угодно. Особенно, если не знаешь, что случится в результате такого нажатия...

– Но... Вероятно, что-то может повлиять на вас, и вы оставите свою чёртову «машину»?

– Нет. Да я и не вижу смысла, или необходимости в этом.

– Хм-м... То есть напоминать вам о гибели ни в чём не повинных...

– ... людей не надо. Повторяю: это никак не повлияет.

– А если бы скажем... Я использовал как аргумент, угрозу того, что Спецслужбы России сгноят в застенках вашу первую девушку... ваших сообщников... ваших соратников по детскому дому... – на каждый полувопрос Зисерманн только качал головой. Комиссар замолчал. Зисерманн договорил:

– Использовать как «аргумент» судьбу этих людей

не удастся. Во-первых, моя первая девушка – назовём вещи своими именами! – была настоящей развратной сукой, использовавшей меня для повышения своего престижа в институте... Ну, это к слову – я бы с удовольствием посмотрел ещё, если б её стали пытаться, как в гестапо... (Извините, не удержался – шутка!)

Ну а во-вторых, как вы, наверное, уже поняли, жизнь человека не имеет для меня больше никакой ценности.

– А что – имеет?

– Да вы философ, комиссар... Жаль будет убивать вас. Но пока время терпит, могу и ответить – мозг. Да-да, не удивляйтесь, я ценю только разум. Да и то – лишь в узком контексте. С той точки зрения, что тем, кто может и хочет изобретать и строить различные... Устройства – нужно предоставлять все доступные стране средства и возможности...

– А если бы сейчас я вам сказал, что то самое, «продажное и подлое», Правительство США, предоставит вам полную амнистию, новое имя и лицо, и даст возможность изобретать и строить всё, что только пожелаете, то...

– То я бы отказался. Я – не Вернер фонБраун. И создавать оружие для кого-то, да ещё такое, что возможно будут использовать против моей бывшей Родины... Нет.

– Но как вы в таком случае надеетесь выйти живым из теперешней ситуации?! – комиссар действительно недоумевал, учитывая смертельное кольцо, ошестинившееся пулеметом.

тами, пушками, ракетами беспилотников, и даже – носителями ядерных тактических боеголовок, нацелившееся сейчас на симпатичный домик и его обитателя.

– А очень просто. Вот – я покажу вам. – Зисерманн встал, направившись к большому окну в кухонном «углке», – *Это* поможет мне.

Из-под стола он вынул устрашающего вида конструкцию с торчащими проводами, реле и конденсаторами, с параболическим раструбом на конце, и спусковым крючком.

– Это – моё последнее. Не нуждается в противолуче для резонанса. Я просто проведу лучом по всему периметру, и за пределами десяти шагов от дома образуется провал. Конечно, не такой огромный, как, скажем, в Цюрихе... – внезапно Зисерманн прервался на полуслове, сделав два шага вперёд, словно от резкого толчка, и комиссар как в замедленном кино увидел, как из груди изобретателя разлетаются фонтаны брызг крови! Что-то глухо стукнуло о противоположную от окна стену. Наверняка пуля пятидесятого калибра. Наверняка оставляющая в теле огромную вакуумную дыру.

Зисерманн мешком осел на пол, выпустив из рук свою чертовщину. Захрипел, вскинув руки к горлу и груди...

Комиссар опустился перед ним на колени. Пульс ещё прощупывался. Судя по выходному, разворотившему полгруды, отверстию, комиссар понял, что запрет на пули с мягким наконечником, или смещенным центром тяжести действитель-

но на спецслужбы США не распространяется.

Внезапно учёный открыл глаза. Липкая от алой крови ладонь схватила руку комиссара. Из кривящегося в конвульсивных гримасах рта, толчками, с потоками выплёскивающейся, словно от поршня, крови, донёлся голос:

– Ты читал. Ты... Знаешь! Не позволяй... им... остановить... об... ращение Пре...

Рука, сжимавшая, словно клещами, кисть комиссара, ослабла и выпустила её. Рот замер, но застывший взгляд всё ещё удерживал глаза комиссара.

Только когда глаза остекленели, в комнату ворвался спецназ.

Вошёл спецгент Смит. И замер на пороге.

Комиссар встал. Достал носовой платок. Вытер не торопясь свои руки. Вошло ещё несколько агентов. Смит спросил:

– Он... Не успел нажать?..

– Нет. Нам повезло.

– Видите, как хорошо, что я оставил снайперов!

– Нет. Это не хорошо. – комиссар помолчал, желваки на щеках ходили ходуном. – Впрочем, может быть вы и правы. Он хотел умереть.

– Что?!

– Да, он хотел умереть. Ведь говоря нормальным языком – ему нет прощенья. Он убил полтора миллиона ни в чём не повинных... И собирается убить ещё. Кстати, как там эва-

куация?

– Идёт полным ходом. Но нужно ещё хотя бы полчаса.

– А что... С обращением Российского Президента?

– Только что закончилось. Он всё прочёл, чего требовала эта ...!

– Тогда всё в порядке. Вы вызвали бригаду экспертов для этого? – комиссар небрежно носком туфля поддел аппарат, выпавший из рук Зисерманна.

– Да, они сейчас будут.

– Хм. Ну-ну.

Прощание у трапа «Хьюи» не было ни тёплым, ни дружеским. Единственное, что спросил спецгент, было:

– Когда вы догадались, что в руках у него – муляж? И всё остальное – блеф?

– Ещё до того, как вошёл к нему. – комиссар не считал нужным скрывать свои рассуждения, даже пояснил, – Он слишком умён, чтобы давать *такое* оружие в руки двух сверхдержав. (Про себя комиссар хитро усмехался: он не сомневался, что листочек, «случайно» залетевший под доски пола, и с которым сейчас, словно дурень с писанной торбой, носится Женевьева и её банда крутых умников – ловко сфабрикованная фальшивка.) Поэтому рабочих агрегатов, да и не-рабочих, никто и никогда не найдёт.

– Но почему вы тогда не остановили всё это? То есть – Обращение ...тина?!

– Я посчитал, что хоть Зисерманн и использовал недостойные и грязные методы, дело, за которое он боролся, всё же стоило того, чтобы за него бороться.

Жизнь и судьба даже одного спасённого из жестоких рук ребёнка, стоит того, чтоб за неё умереть. Что, собственно, он и сделал.

И он наверняка знал, чем всё это кончится.

Смит помолчал. Затем коротко кивнул, и подал комиссару руку. Тот пожал её, тоже кивнул, и скрылся в люке. На этот раз пилот «Гольфстрима» не решился что-либо сказать – возможно, из-за выражения лица комиссара...

Дома, в квартире, где всё было покрыто пылью и тянуло затхлым запахом нежилого, словно казённого, помещения, комиссара никто не ждал.

Сам не зная почему, он долго стоял в прихожей, закрыв за собой дверь, но не входя.

Странно. Раньше он считал себя – одиноким волком. Готовым ко всему. Даже к смерти.

Но теперь понял, кому было стократ тяжелее.

Зисерманн не мог не знать, не понимать, к чему он идёт.

И все эти двадцать долгих лет, пока он беспринципно выколачивал из банкиров деньги подлым шантажом, и строил свои агрегаты, он видел вдали, там, у горизонта, лишь одно – свою смерть.

Но, похоже, он считал это вполне подходящей платой

за лучшую долю тех, кто остался без материнской ласки и отцовского крепкого плеча...

Добился ли он этого? Улучшится ли что-нибудь после Обращения Президента? Ответа у комиссара не было. Из этого расследования он вынес лишь страшную пустоту в душе, и колоссальную усталость. Нет, не физическую – его везде возили! – а моральную.

Сможет ли он забыть эту руку, отчаянно сжавшую его кисть? И медленно потухающие глаза...

Но себя ему не в чем упрекнуть. Он не позволил прервать Обращение... Значит, надежда есть.

Надежда...

Есть?